

Дальневосточное региональное литературное издание

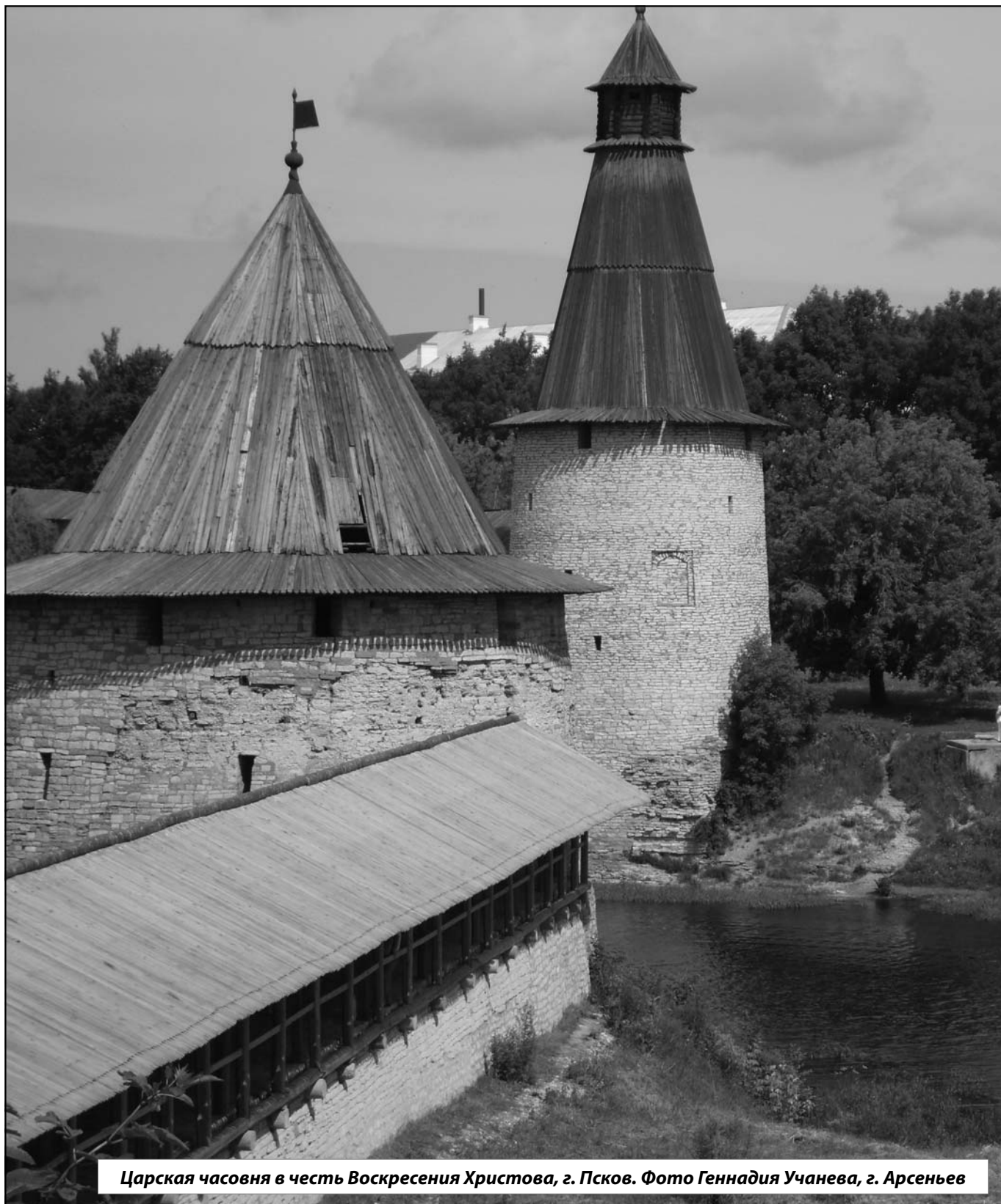
Литературный меридиан

Сентябрь 2010 г. № 11 (35)

В.К. АРСЕНЬЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Царская часовня в честь Воскресения Христова, г. Псков. Фото Геннадия Учанева, г. Арсеньев

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Анастасия КАРАВАЕВА. (Проза)	3
Геннадий БОГДАНОВ. (Литературный путеводитель)	4
Анна ПЕТРОВА. (Проза)	7
Вера САЧЕНКО. (Открытое письмо)	10
Витольд ЯДРЫШНИКОВ. (Конкурс «Шумит волна...»)	12
Сергей ПАГЫН. (Поэзия)	15
Николай ЗИНОВЬЕВ. (Поэзия)	16
Виктор ДЕБЕЛОВ. (К 65-летию Великой Победы)	18
Ян БРУШТЕЙН. (Поэзия)	20
Галина ЯКУНИНА. (Поэзия)	21
Сергей БАРАБАШ. (Поэзия)	22
Вера САЧЕНКО. (Поэзия)	23
Эльвира КОЧЕТКОВА. (Из первых уст)	24
Людмила БАДЮК. (Памятные даты)	28
Ирина БАНКРАШКОВА, Юлия БАСТАНОВА, Владимир ЛЮКОВ, Алексей ВОСКОБОЙНИК, Максим ЛАВРЕНТЬЕВ, Алексей КАРЛИН. (У подножия Парнаса)	31
Настя КАПУСТИНА (Из дальних странствий возвратясь)	32
Письмо в редакцию	34
Александр БАЛТИН. (Поэзия)	36

Проза

В ЭТОТ ВЕЧЕР

Спасибо Тебе, Господи, за то, что смерть не страшнее жизни, а жизнь – не ведает страха смерти.

Спасибо за верных друзей, не единожды спасавших меня от отчаяния и малодушия.

Спасибо за врагов и обидчиков, в силу чёрных заблуждений преследовавших меня.

Спасибо за те редкие вечера, когда на столе моём к ужину из еды не было даже хлебной крошки, а из питья в изобилии были только слёзы.

Спасибо – за чудесные книги, которые успел прочитать я до сего дня.

Спасибо за то, что Твой Ангел научил меня сжимать зубы и, подвизавшись смирением, не роптать на Любовь Твою – в те дни, когда, всеми покинутый, бездомным скитальцем находил я ночлег лишь на холодных ступенях заброшенных зданий.

Спасибо Тебе, Господи, за то, что после слякотной затяжной весны, на исходе мая, милые ласточки всё-таки возвращаются домой с чужбины.

Спасибо за то, что Милосердием Твоим не возникало у меня желания стать предателем – ни людей, ни Лучистого Света.

Спасибо за то, что не скопил я себе приходящих богатств мира сего – ни золота, ни серебра, ни других «драгоценностей».

Спасибо Тебе, Единый, что после всех моих прегрешений Ты каждое утро посылаешь мне новый рассвет и даришь мне встречи с удивительными людьми. А неудивительных и не бывает...

Приснилось

– Да что ты знаешь о моей жизни? Д-да я... я... да м-меня... – сплюнво заикаясь, шипел Антоша, – выб-брали в совет профсоюза. Т-теп-перь о бедах простого рабоч...чего п-прямо в лицо начальству г-говорить буду... М-м-меня выбрали! Из трёх, нет – из шести кандидатур! Я – достойный! Мужики мне четыре банки пива п-поставили... П-представляешь? – четыре банки пива на халяву!

В соседней комнате, прижавшись спиной к запертой двери, беззвучно плакала Антошкина жена Тоня.

Наслоение

Этажом выше – дождь.

Этажом ниже – сизое небо.

Вдовствующие тучи. Гулливые. Гурьбой – по горизонту.

Вдохновенный вдох Создателя в восемь раз больше – от моего Инакомыслия. Силуюсь понять – Замысел, Промысел. Тщетно, конечно. Истосковавшись по простоте, истёрханный сомнениями, бросаю на полпути исследования Источника Истины.

* * *

Троезвучия – истовые поклоны Испытаниям. Нелегко – мыслете выписывать.

Ну и денёк выдался! От воли до своеволия.

Хочется – на поклон Покаянию. Что-то останавливает – гордыня, стыд, скромность (Господи, прости!)...

Велико Небо, мал путник, а Путей – не заблудиться бы...

Владимир Костылев

СВЯЗНОЙ

Анастасия КАРАБАЕВА,
г. Арсеньев

/рассказ/

Отряд карателей появился неожиданно. Деревня стояла в стороне от военных дорог, в лесу, и гитлеровцы, боясь партизан, редко заглядывали сюда. Активные действия партизан приводили в бешенство немцев.

Обер-лейтенант Генрих Функе хорошо знал, что ему грозит, если он не выполнит приказ гауптмана Адольфа Шульца: разыскать место стоянки партизан и уничтожить их. Через полицаев он знал, что многие жители этой деревни ушли в партизанский отряд, оставив семьи в деревне, получая от них посильную помощь в провианте и одежде. Общение шло через связных. Фашисты оцепили деревню со всех сторон, хватили жителей без разбора и вели жестокий допрос.

Второй час они избивали, издевались над жителями, но те стойко выносили побои и молчали. Офицер всё больше зверел. Он не понимал упорства жителей и не верил, что никто не знает, где партизаны. В избу втолкнули очередного допрашиваемого. Вошедший полицейский что-то шепнул на ухо переводчику, тот офицеру. «А ну-ка, Швальде, прочти эту русскую сволочь», – обратился офицер к стоящему у двери рослому солдату с нашитыми на рукаве черепом и костями. В воздухе свистнула нагайка и опустилась на плечо маленького, сжавшегося от страха, мужичка. Рубаха лопнула от удара, а на плече проступил багровый рубец. «Где партизаны?» – «Не знаю я, пан офицер, ничего не знаю», – упав на колени и хватая сапог гитлеровца, шептал рыжий мужичок. «А, не знаешь!» – и Функе изо всей силы ударил сапогом в лицо арестованного. Кровь алыми струями потекла по лицу. «Не бейте... Я не знаю, вот только...», – забегали глаза мужичка. Жалкий, с преданным собачьим взглядом, Семён Дубина – так звали рыжего – опять пополз к офицеру. Солдат хотел за воротник отбросить его в сторону, но Функе остановил его жестом: «Я слушаю». – «Тут... третий дом справа, живут жена и сын Егорова, командира ихнего, может, пацан что знает, шустрый парень – в батьку».

Офицер соскочил со стула, пытаясь скрыть свою радость. Немцы обещали награду тому, кто будет им помогать. «А как же награда?» – бросился к офицеру мужичок. Швальде с хохотом толкнул его прикладом к двери и пинком вышвырнул на улицу. «Люди хорошие, убивают!» – завопил Дубина. Несколько женщин с опаской подошли к нему, сочувственно глядя на земляка, не зная, что он навсегда перечеркнул своё имя перед односельчанами одним словом – предатель. А по улице двое здоровенных эсэсовцев уже вели Ваню Егорова и его маму. «Куда же вы его? Мальчику только шестнадцать».

Офицер ласково обратился к Ване: «Ты есть партизан, ты есть связь, твой отец командир, я всё знаю! Если ты покажешь, где есть партизаны, где есть отец, я отпущу тебя и твоя matka». – «Да что вы, господин офицер, какой он партизан, он же ещё дитё». – «Дитё, дитё, вы плёхо знать своё дитё». – «Да как же...» Но офицер не дал ей договорить. «Так где партизаны?» Мальчик стоял, опустив голову, и молчал. Размахнувшись, Генрих Функе изо всей силы ударил его. Тот не удержался и упал. Мать бросилась к сыну, но удар приклада отбросил её в сторону. «Да что ты делаешь, изверг, да за что же ты его?» – заплакала женщина. Ваня с трудом

поднялся на ноги. От удара колоколом гудела голова иплыли красные круги перед глазами. Откуда-то издали, как сквозь толщу ваты, доносился голос фашиста.

Второй удар опять свалил мальчика, и он потерял сознание. Мать остановившимся взглядом потерянно смотрела на сына, не в силах помочь. Ведро воды вернуло Ваню в сознание, он открыл глаза. Увидев мать, попытался улыбнуться ей, но гримаса боли исказила его лицо. Еле ворочая распухшим языком, кровавым комом выплюнул выбитые зубы. «Где есть партизаны?» – озверело кричал офицер. Но связной молчал. Тогда гитлеровцы на глазах у сына стали избивать мать. Её били, она падала, теряла сознание, отливали водой, поднимали и снова били. «Где муж? Где партизаны?» – кричал гестаповец. В ответ было молчание. Тогда принялись за мальчика. Как стая зверей, набросились они на окровавленного подростка, поднимали его: сам он встать уже не мог. В горячем мозгу вдруг чётко вырезались слова, сказанные накануне командиром партизанского отряда: «Ты выполняешь очень важное ответственное задание...» И в конце совсем по-домашнему: «Береги, сынок, себя и маму!» Горячий комок подкатил к горлу мальчика при виде истерзанной матери. «Но нет, не видеть им наших слёз!» – мальчик со всей силы попытался поднять тяжёлую голову и без чужой помощи устоять на ногах.

С презрением глянул юный связной в глаза гитлеровца. Офицер понял: этот худой, избитый, окровавленный мальчик сильнее его, сытого, холёного, до зубов вооружённого обер-лейтенанта. С поспешностью подскочил гитлеровец к Ване: «Последний раз спрашиваю: где партизаны?» Вопрос был задан на немецком языке, но Ваня и без перевода догадался. «Не дождёшься, немецкая сволочь, ответа», – и улыбнулся в лицо фашистов. Офицер ударил его рукояткой пистолета: «Собрать всю деревню, всех русских собак собрать сюда!» Швальде отливал Ваню водой.

Через полчаса небольшая деревня была в сборе. Люди были мрачны и подавлены, знали: добра не жди. На крыльцо вышел офицер, вслед за ним солдаты вытащили под руки окровавленного Ваню. Мать, рванувшуюся к сыну, прикладом откинули в толпу. «Принести бензин!» – скомандовал офицер. Ваня или не понимал, или не мог поверить, что это может произойти. «Даю на размышление пять минут».

Гестаповец подал знак, и на мальчика вылили канистру бензина. Офицер поднёс к лицу мальчика изящную зажигалку: «Будешь молчать?» Мальчик молчал.

Пламя факелом охватило юного связного. Толпа в ужасе ахнула и отхлынула назад, пронзительно закричала мать. Вырываясь из рук, билась обессиленной птицей. В один миг на глазах у всей деревни стала совершенно седой. Через несколько минут всё было кончено. Стон и плач покатались по рядам односельчан. Безоружные, они стеной двинулись на офицера. Но он уже дал команду садиться в машины и мотоциклы. А с другой стороны деревни вдруг ударили пулемёты. Это конники генерала Доватора, узнав о карателях, спешили на помощь.

Потерявшую сына обезумевшую мать отправили на «Большую землю» для лечения. Останки юного героя с почестями похоронили.

Нередко в своих статьях я цитирую выдающихся мастеров слова, рассказываю о литературных делах родного края. Вообще рубрика «Литературный путеводитель» многофункциональна, но главная её задача, конечно же, – литучёба. Считаю, что человек, особенно творческий, до конца своих дней должен совершенствоваться. Пожалуй, в этом и есть смысл жизни.

В одном из номеров «Литературного меридиана» я рассказал о «легендарном» ЛИТО им. П.Комарова и о том, как уничтожалась стенгазета литобъединения с опубликованным в ней эссе Андрея Вознесенского «Муки музы». Уже давно у меня было желание опубликовать это эссе в нашем родном «Литературном меридиане», что я и делаю с превеликим удовольствием. Возможно, наш пылкий читатель найдёт в «Муках музы» некоторое несоответствие с нынешним прогрессом (или регрессом), но не будем забывать о том, что Андрей Вознесенский писал эту статью в начале восьмидесятых.

А. Вознесенский

МУКИ МУЗЫ

Таланты рождаются плеядами.

Астрофизики школы Чижевского объясняют их общность воздействием солнечной активности на биомассу, социологи – общественными сдвигами, философы – духовным ритмом.

Казалось бы, поэзию двадцатых годов можно представить в виде фантастического организма, который, как языческое божество, обладал бы мощной глоткой Маяковского, сердцем Есенина, интеллектом Пастернака, зрачком Заболоцкого, подсознанием Хлебникова.

К счастью, это возможно лишь на коллажах Родченко. Главная общность поэтов – в их отличии друг от друга. Поэзия – моноискусство, где судьба, индивидуальность доведены порой до крайности...

...Если в недавнем «Дне поэзии» снять фамилии над стихами, некоторые авторы не узнают своих стихов, как путают плащи на вешалке. Может быть, и правда пришла пора читать стихи хором?

Впрочем, может быть, причиной тому не только излучение космоса, но и частности земного порядка? Может быть, доля вины ложится и на иных критиков? Часто в газетах и журналах пропагандируется серость поэзии, безликие стихи выдаются за образцы. Долгие годы группа критиков сладострастно отпугивала молодых от всего необычного. Сложившимся мастерам они повредить не могли, но неопытных могли засушить. Сейчас проповедники серости, спохватившись унылой картины, призывают к яркой серости. Это было бы смешно, если бы не было столько вытоптано...

Но поэзия, как ещё Маяковский подметил, – пресво-

лочнейшая штукавина! – существует, и существует только в личности.

Я против платонических разговоров о поэзии вообще. Возьмём для разговора конкретные стихи и судьбы некоторых молодых поэтов, не имеющих ещё «добрых путей», подборок в больших журналах, – поговорим о поэзии допечатной.

Александр Ткаченко пришёл ко мне пять лет назад. Молодой мустанг эпохи НТР, норовистый футболист из Симферополя, он играл тогда левого края за команду мастеров столичного «Локомотива». Стихи были такие же – резкие, безоглядные, молниеносные, упоённые скоростью, «били в девятку». Правда, порой метафора лихо шла по краю, схватывала внешнее, оболочку, не соединяя сути явлений.

Через полтора года он явился снова. Я не узнал его. Он посуровел, посуровели и стихи. Стихи не пишут – живут ими. За стихами стояла травма спины, адские муки в больнице, когда человек часами висит подвешенный за руки в парилке, с грузом на ногах – так выпрямляют позвоночник. Теперь он занимался на физмате. Проблемы астрофизики, сложность мира, современная философия – не пустой звук для него, но главное в стихах – ежечасная серьёзность бытия:

*А дома бросишься в постель открытую
и даже не увидишь снов плохих,
а утром ты похож на статую открытую,
как тысяча других, как тысяча других...
Ты втиснешься в вагон,
как будто в том заветный,
среди людей по крови неродных,
поедешь на работу такой же незаметный,
как тысяча других, как тысяча других...*

Рефрен, повтор, набегает, давая зрительное ощущение движения этих тысяч. Каждый – неповторим. В строках повторяющаяся неповторимость бытия, единственность каждого из тысяч...

...Поэзия вся наполнена эхом. Её акустические пространства не изолированы, они полны отзвуков еще звучащих и уже отзвучавших голосов. Во фразе Батюшкова «А кесарь мой – святой косарь» уже чудится Хлебников. Самая известная лермонтовская строка «Белеет парус одинокий...» была написана до него в 1827 году А.Бестужевым-Марлинским. В возгласе Блока:

Россия, нищая Россия... –

слышится пушкинский вздох:

Мария, бедная Мария...

Заболоцкий в речевом и интонационном слое был сыном хлебниковских Шамана и Венеры, но как ярки его образная пластика и самобытность!

И у сегодняшних поэтов просвечивает:

*Я хочу быть солучьем
двух лазурных планет.
Я хочу быть созвучьем
между «да», между «нет».*

(Северянин)

*Я как поезд,
что мечется столько уж лет,
между городом Да
и городом Нет.*

(Евтушенко)

«Перенимание чужого голоса свойственно всякому лирику, как певчей птице, – пишет Блок. – Но есть пределы этого перенимания, и поэт, перешагнувший такой предел, становится рабским подражателем... Таким образом, в истинных поэтах... подражательность и влияния всегда пересиливаются личным творчеством, которое и занимает первое место».

Не эхо, а это своё важно различать во встречном поэте.

На днях два молодых поэта принесли мне стихи своего товарища Н.Зубкова, которого рано не стало. Сквозь драматичный мир его поэзии бьёт ощущение новизны:

*весна
подрастают
женские ноги
у толпы*

Сколько свежести в этой строфе! Как точно в бесшумной толпе увиден зов весны и знаки препинания сброшены, как зимние шапки. А вот под юным наигрышем, опять нараспашку, без запятых проступает серьёзный характер уже не мальчика, но мужа, с ответственностью за судьбу времени:

*девушка
давайте погуляем
времени
немного потеряем
поболтаем
разного насчёт
мальчики
давайте бить посуду
время
максимального абсурда
нехотя
но всё же настает
девушка
давайте погуляем
голову
немного потеряем
поболтаем
личного насчёт
мальчики
давайте мыть посуду
не бывать в отечестве
абсурду
этот фокус
с нами не пройдёт*

Вить хочется, когда понимаешь, что поэт этот уже больше ничего не напишет...

...Помощь старших мастеров «племени младому, незнакомому» должна звучать не в поучениях, а в волшебно звучащих ими созданных строф. Порой неловко прочитать в «Дне поэзии» у старшего собрата такое, к примеру, отражение эпохи НТР:

*Заструится дымок над трубою,
за калиткой снежок заскрипит,
и, как спутник,
снегирь над тобою
просигналит
«пи-пи... пи-пи-пи...»*

(Журавлёв)

Ай-яй-яй, как говорится, избавь нас, боже, от элегических «пи-пи»!..

...Вот вещный мир киевлянина Парщикова, его рынок:

*Из мисок выкипает виноград...
Из пенопласта творог, сыр и брынза.
Чины чугунных гирь растут, пока
весы, сойдясь, помирятся мизинцами.*

А вот конверт из села Хлопуново Шипуновского района Алтайского края. Письмо написано на машинке, без точек и запятых: «решил выслать на Ваш суд стихи Мне 25 лет Я слепой». Это Николай Б. Для него поэзия стала способом жить, выжить, ощущать мир.

*Я живой и уже не живой –
Это зреет в сознание подспудно
С нераскрывшимся парашютом
Я иду на свиданье с землёй...*

На заре века поэт интуитивно провозглашал «шестое чувство». Здесь поэзия стала в прямом смысле шестым чувством, через которое человек физически воспринимает жизнь, стала жизнью без метафоры. Не знаю, сложится ли Николай Б. в профессионального поэта, но он живёт поэзией.

Не всё в стихах молодых ровно. Думаю, что поэт интересен как достоинствами, так и недостатками...

...Критик нужен не только как наука, но как понимание, родство душ, вдохновение, если хотите. Я не за комплиментарность, боже упаси! Часто и похвалы мешают. Например, когда мои коллеги, вырывая из контекста строфу «Марше О Пюса», зацитировали, затрепали её:

*Не пицците!
Мы в истории
хоть на несколько минут.
Мы – песчинки,
но которые
жерла пушечные рвут, –*

то строфа эта стала инородной для стихотворения, так надоела, что я выбросил её.

Активна сейчас в критике спортивная, как у рефери или фехтовальщика, фигура Ал. Михайлова. Он – арбитральная станция нынешней поэзии. Его порядочность не раз осаживала дубину-проработчика, поддерживала молодых. Выстроенный им поэтический ряд не всегда бесспорен, но движим добротой. Он из рода печерских ушкуйников. Архангельский север не знал крепостничества и сохранил спокойную брезгливость к подлогу и мертвечине.

Увы, есть и иной тип критика – с тёмным глазом. Назовём его условно критик К. К чему бы ни прикасался легендарный царь Мидас, всё превращалось в золото. К чему ни прикасается бедный К., всё превращается не в золото, а в нечто противоположное. Жаль его, конечно... Но не дай бог, возьмётся он ставить голос поэту, – назовём того условно поэт П. И вот начинал парень вроде бы интересно, но едва коснулись его мёртвые рецепты К., как голос пропал, скис. Так же сглазил, засушил критик следующего поэта, за ним ещё и ещё. Но ведь опыты эти ведутся на живых, мертвечина впрыскивается живым людям, не игрушкам. Загубленные таланты не воскресить. И фигурка К. уже не только смехотворна, но и зловеща...

...Плохо, если муза засидится в девках. Винокуров как-то сетовал, что его и Слуцкого лет до сорока обзывали молодыми, чтобы иметь возможность поучать. Так до сих пор шпыняют кличкой «молодые» поэтов на сорокалетнем барьере. Невнимание затянуло многие свежие голоса. Ведь чувство чуда, с которого начинается поэзия, более под стать молодым годам. Талант раним, он может очерстветь, обтираясь о редакционные пороги. Второго такого таланта не будет!

В индустриальном обществе мы боремся за береж-

Рисунок неизвестного автора

ность к скудеющим дарам природы – воде, нефти, лесному вольному поголовью. Но ведь человеческий талант – наиболее уникальный и невозполнимый дар природы.

Всё чаще в нашей жизни я различаю новый склад характера – в стихах я назвал его «мыслящим промышленником». Люди дела, современного кроя ума, далёкие от абстрактных лозунгов, «деловые сумасшедшие», они перекраивают производство, борются с хаосом бытия. Я встречался с ними. Они по-мужски сами пытаются преодолеть инерцию стиля. Хочется видеть этот характер и в поэзии.

Чтобы научиться плавать – надо плавать, молодому поэту надо печататься. Маститые должны помочь допечатной музе. Хорошо бы издать молодую антологию под названием «До» – авторов допечатных, до славы, до успокоенности. «До» – это первая нота музыкальной гаммы. С неё всё начинается. Так и вижу золотистую ноту на переплёте.

Не будем догматиками – художник может сложиться и поздно. Пример тому – судьбы Уитмена, Тютчева, Гогена. Поэзия не метрическая анкета. Новый поэт может прийти с улицы, а может и родиться из тех, которые уже есть...

...Время с юмором относится как к «обоймам», так и к «кампаниям». Поэт всегда единичен, он – сам по себе.

Понятие «поэт» шире понятия «певец поколения».

Поэтом какого поколения был Блок? Да всех, наверное. Иначе голос поэта пропадал бы с уходом его поколения, обладая лишь исторической ценностью. Поэт может и не быть певцом поколения (Тютчев, Заболоцкий). И наоборот – Надсон не был поэтом.

Поэта рождает прилив, как говорили классики, «идеального начала», великой идеи. Поэт – это прежде всего блоковское «во Имя».

Этим «во Имя» он вечно нов, это «во Имя» он объясняет знаками своего искусства, этим «во Имя» он противопоставит пошлости банального вкуса, этому «во Имя» и посвящена данная ему единственная жизнь.

Жду рождения нового поэта, поэта необычайного.

Возможно, он будет понят не сразу. Но вспомним классическое:

*У жизни есть любимцы,
Мне кажется, мы не из их числа.*

(Печатается в сокращении)

Лесник

Анна ПЕТРОВА,
г. Калгари, Канада.

Глава из повести

Глава 1.

1994-й год, деревня Каменка, Россия

Дед Петр жил уединенно. Его домишко стоял на самом краю деревни, притулившись одним боком к лесу. В деревне его звали просто Лесник. Сколько лет было Петру, никто не знал точно. Старик Михаил, воевавший еще в финскую и там же потерявший одну руку, говаривал, что уже в те времена Петр был старый. Бывают такие люди. Живут себе и живут. Все время старые. Живут одиноко, работая в полную силу, ни с кем не ссорятся. Никто про них не может сказать ничего плохого. Про деда Петра все говорили только хорошее. Ребятишек с давних пор учил разным лесным премудростям. Лесные богатства стерег от недобрых людей. А еще говорили, что он знахарь. Потому как скотину лечил, мужиков из запоя выводил, молодым бабам, что не могли забеременеть, давал отвары и те, глядишь, через годик приплод приносили. Иногда до него из соседних районов приезжали. Слухом ведь земля полнится. В последние годы приезжало все больше и больше, потому как в советское время в чудеса мало кто верил, а теперь про необычное стали и в газетах писать, и по телевизору показывать. Где была правда, а где ложь, народ мало понимал, но на каждое чудо всегда находились свои почитатели. Приезжали такие люди в село и спрашивали, где это у них в Каменке живет дед-колдун столетний. Никто не верил в то, что Петру сто лет, но всегда к нему направляли. Любопытная бабка Алена лично справлялась у знакомой счетоводихи в беседе о том, с каких пор Петр получает пенсию. Получалось, годов с 40-х...

– Так это что же получается, – вопрошала она свою соседку Зинаиду, – ему и впрямь больша ста лет что ли? А выглядит на мои 60. Нет, я конечно, Михаилу верю, он мужик честный, да и Верка не сбредет, но уж странно. Вот бы узнать, когда он в нашу деревню назначен был. Ведь я девчонкой ишо, а он уже тут жил. Но, говорят, не наш...

– Да зачем? – недоумевала Зинаида. – Живет себе старый и живет. Травы вон летом собирает. Коров лечит. За лесом смотрит. Небось, в советское время зазря плохого человека на лес не поставили бы.

– Наивная ты, – машет рукой Алена и продолжает задумчиво: – А может, он ссыльный какой... Сейчас ссыльным реабилитация полагается.

– Городишь невесть что... Оно тебе надо? – хлопает калиткой Зинаида.

И остальному народу в деревне было тоже все равно, как и Зинаиде, откуда взялся дед Петр. Людей волновали другие, более насущные проблемы. Молодежи осталось мало. Единственную на весь сельсовет ферму выкупили пришлые люди. Наняли за гроши стариков. В школе – че-

тырнадцать ребятишек. Учительницей Марина из соседнего села. Она же и директор. Физрук и трудовик Иван, мужик добрый, да бестолковый и пьющий.

– Загнемся, как и прочие деревни, – пророчил Иван. – Потому и пью. Время это последнее. Как деревни кончатся, так голод настанет повсеместный. Они вот страну нашу развалили, теперь всех споят и уморят голодом. Потом голыми руками возьмут.

– А ты не пей, – увещевала Марина-директор, – сопротивляйся.

– Не могу. Душе больно на все смотреть.

– Слабый ты. Вот пойдй к деду Петру, он тебе мозги вправит.

– Сам знаю, что вправит, да боязно. Говорят, что вода его жжется похлеще водочки, выгоняя ту изнутри.

– Сходи, проверь. Хуже с того еще никому не было.

И Иван пошел. Казалось ему, что все встречные-попечерные глядят на него с прищуром, догадываясь, куда и зачем он спешит. Пустотой скрипел под валенками прибитый ногами свежий снег. Скрипело в груди у Ивана усталое сердце.

Старый Петр встретил его прямо у порога. Росточком невелик, кучерявые белые волосы задорно вьются у висков, седая козлиная борода торчком, у ног – серый коток, под крышей на деревянных балках десяток голубей.

– Заходи, Ванятко, давно тебя ждал. Да хату мне не выстуживай, крепко дверь прикрывай.

Иван усмехнулся про себя: прямо ведун древний, как в сказках. Кажется, редко, да стреляет метко.

– А ты знаешь, зачем я?

– Да пить хочешь бросить. Жена твоя замучилась, девчонка младшая болеет, денег на лекарство не хватает, а ты пьешь-пропиваешь. Правильно решил. Тут важно самому решить. Чтобы сам пришел. А то иных жены приведут, матери, а они бросать и не желают. Вот с ними трудно бывает. А с тобой у нас легко все выйдет.

– Говорят, что ты за это ничего не берешь.

– Ну почему ж... Беру.

Иван удивленно вскинул белесые брови. А ему говорили, что не берет.

– Словом добрым беру. Да, может быть, зимой мне подсобишь лосям иной раз еду разбросать на леченье да лис бешеных пострелять. Согласен?

– Да.

– Вот и ладно. Садись. Прямо сейчас и начнем.

Иван сразу почувствовал в коленях слабость какую-то, холодок между лопаток прошел. Так и сел на подвернувшийся дубовый трехногий табурет. А Петр вокруг него шустро так бегаёт, какие-то травки со стен

в сенах сымает да в глиняные горшочки запихивает. Да вопросами, как горохом сыплет:

- Ты когда, Ванятко, первый раз горькую попробовал?
- Да лет четырнадцать было.
- А что за день такой был?
- Свадьба у старшей сестрицы.
- Из взрослых кто видал, что пьяным напиваешься?
- Не помню. С утра батька ремнем надрал.
- А мать?
- Не до меня было. Свадьбу три дня играли. Гостей много – сготовь, собери, убери.
- Плакал, небось? А вечер снова надрался?
- Плакал и вечер надрался.
- А второй раз когда?
- На Новый год с друзьями. Мы на танцы пошли, да что-бы смелее быть девчонок приглашать, и выпили.
- А на собственную свадьбу пил?
- Пил.
- А жена корила?
- Нет. Сама выпимши была. Но она у меня не пьет. Только по праздникам большим.

Петр смешивал травы, заливал невесть откуда сразу взявшимся кипятком. Накрывал крушиновыми дощечками отстаивающееся зелье. Дух по избе шел приятный, голову кружащий. Сам Иван вдруг почувствовал, что хмелеет без горькой. И сны закружились вокруг его поникшей головы...

И снилось ему, что ему четырнадцать лет. Что свадьба у сестры Катьки. И все пьют и веселятся. А за столом напротив Оленька сидит и глазом своим лукавым косит. «Пригласить бы!» – думает Ванятко. Но духу встать не хватает. И тогда он, оглядевшись, подтягивает к себе рюмку захмелевшего уже дядьки Михаила, поющего что-то про лихую голову. «Вроде как, говорят, бодрости придает», – и, подмигнув Оленьке, быстро глотает жгучую вонючую жидкость. Через пару минут ему кажется, что Оленька поглядывает доброжелательно и одобряюще. Подтянув другую рюмку с другой стороны, от тетки Клавы, он опустошает и ее. Потом встает и, обогнув столы, направляется к Оленьке. А Оленька больно толкает его в грудь, и он падает.

Нет, нет, нет... Все сначала.

Свадьба у сестры Катьки. Все пьют и веселятся. А за столом напротив Оленька сидит и глазом лукавым на него поглядывает. Голос издали чей-то: «Да ты внимательно смотри, пострел!». Ванятко тянет к себе рюмку дядьки Михаила. Смотрит на Оленьку. А Оленька хмурит бровки, отворачивается. Ванятко смущенно отодвигает рюмку обратно...

И снилось ему, что ему пятнадцать лет. Новый год близко, и они с ребятами позади клуба пьют из сивой бутылки, только что с большим трудом откупоренной, принесенную Костькой примерзшую на морозе самогонку. А потом музыка, ах этот «Белый танец» – вальс... И он тянет к себе за руку Оленьку. Она отбивается, но он смеется и все равно прижимает ее к себе и неверно танцует. Оленька, чувствуя его дерзкую упорную силу, сдается, грустно глядя в затуманенные глаза мальчишки...

Нет, нет, нет... Все сначала.

Новый год близко, и они с ребятами позади клуба откупоривают бутылку самогонки из сивой бутылки. Бутылка не открывается. Ребята волнуются и советуют подержать ее у живота под одеждой. Ванятка засовывает ее к себе под куртку и прижимает к теплему животу. Бутылка жжется ледяным стеклом. «Смотри внимательно, Ванечка», – слышится чей-то голос. Ваня оглядывается и замечает, как из-за угла смотрит притаившаяся Оленька. Взгляд ее обиженный. Руки, поддерживающие бутылку, разжимаются, и бутылка падает под ноги на утоптаный снег и разбивается. Пацаны начинают кричать и бьют его по шее. Из-за угла выскакивает Оленька и кричит: «Дядька Митька, тут Ванятку бьют!!!»

И снилось ему, что ему двадцать лет. Он пришел из армии и справляет собственную свадьбу. Столы накрыты, как и тогда, шесть лет назад. И все пьют и веселятся. Перед ними не водка, не, тем более, бормотуха. Перед молодыми белое токайское вино. Сколько же его надо выпить, чтоб опьянеть? И Ваня наливает и наливает себе и Оленьке: «Будем веселиться! Наш праздник!»

Опять не то! Ваня сгребает бутылки, которые поставили перед молодыми, и относит их на кухню. «Что, не понравилось?» – спрашивает мать. «Не знаю, – отвечает Иван. – Сегодня не нужно». И, смущенно улыбаясь, возвращается к любимой. Оленька крепко обнимает его за шею и шепчет: «Ты самый лучший. Сильный такой!»

.....

Очнувшись, Иван ощутил во рту вкус всего спиртного, выпитого за жизнь. Вкус горький, вонючий, отзывается болью в глазницах, ломит переносицу, спину под лопатками... Ивана начало выворачивать... Рвало долго, без удержу.

Петр поддерживал его за живот. «Держись, милой! Совсем чуток осталось!»

Потом уложил Ивана прямо на дощатый пол, выстланный сеном. И Иван заснул. И ему ничего на этот раз не снилось.

Сказать, что его жизнь после этого изменилась в лучшую сторону, – ничего не сказать. Жизнь-то вокруг осталась та же. И люди те же. А вот его личное ощущение жизни изменилось. И как-то легко стало отказываться от приглашения выпить. Ну не интересно!

Вот как дочка каляки-маляки рисует, стало интересно смотреть. С сыном планер из дощечек делать – тоже интересно. Крышу поправил прохудившуюся (учитель труда назывался, а крыша текла), жене новые ящички в сарае посбивал под мелочевку.

И с дедом Петром он сдружился не на шутку. Зимой на охоту вместе выбирались. Лосей подкармливали. Дикого кабана, приохотившегося коз драть, словили напару.

– Во какой ты друг! – оттопыривал дед Петр большой палец. И эта простая похвала была Ивану дороже всех остальных похвал вместе взятых.

А летом Иван стал приставать к Петру с просьбой научить его травы ведать.

Рисунок неизвестного автора

– Всем ты силен, но это можешь не потянуть. Тут ведь не только то надо знать, какая трава от чего, но и когда собрать, как высушить, как приготовить. Да и слова особые знать надобно. А вот слов-то сказать и не могу. Потому как не язык их говорит, а сердце. Твое собственное сердце само должно их найти.

Но приставал, приставал Иван, и Петр сдался. Пообещал научить основным знаниям травосбора и приготовления. А уж как дальше выйдет, кто знает, может, и слова найдутся. Главное, к людям с любовью относиться. Даже к самому запойному мужичонке и к самой гулящей бабе, потому как и у них сердце есть и родные-близкие, которые радости от жизни ждут.

Пролетело травное лето, холодным костром отпылила осень, снова закрыла поля и леса белым подолом зимушка. В деревне готовились к встрече Нового года. Покупали водку, тащили из района колбасу и подарки. Старый желтый автобус только и успевал выгружать и загружать сельчан. Кто-то тащил свежесрубленные елки из лесу. Иван и дед Петр бдили, не давали зазря рубить деревья. Сторожили с двух сторон деревни. Когда ловили кого, то долго внушали, что лес-де не вечен. Что елке вырасти время надобно. Что за неделю колючей в игрушках радости – слишком дорогая плата – гибель лесов. Большинство ничего из речей не понимали: всегда ж так было! Тем более дед Петр елки не изымал (чего уж, если елочка уже умерла), а только выписывал штраф, который был сопоставим с ценой елки, которую можно было купить в городе. Только вот волочь еще надо было издалека! Сложнее было, когда вылавливали

браконьера прямо на месте преступления. Браконьер обычно матерился и махал топором. Кричал, что хотя и уважает Петра как человека, но лишит свободы себя не даст! Диковинно было Ивану наблюдать это и самому увещевать нерадивого односельчанина. Еще год назад он и сам так вот волок в темноте елочку из лесу, перебежками от забора к сараю, чтоб не остановил и не отчитал дед Петр. Но изменился с тех пор мир. Горел другими красками небосвод. Птицы пели, как родные малые дети. Каждое деревце было живым и умело радоваться и плакать. Каждое живое существо, обитавшее в лесу, обладало только ему присущими чертами характера, голосом и привычками. И не мог Иван теперь просто так смотреть на всю эту жизнь и не чувствовать ее дыхания. А все он, дед. Выйдут, бывало, в летнюю ночь на поляну за дубровником, свистнет дед замысловато, и стоят ждут... А через минуту-другую, смотришь, огоньки – светляки слетаются. А с крон деревьев – фр-фр! – летучие мышки. И филин – воу-воу – крыльями. И никто никого не ловит, пока дед рядом. А он говорит с ними. По-человечески. Увещевает. Что-то там про зайца, зазря словленного. Про напуганных накануне вечером на поляне детей. И непонятно, понимают они его или нет. Но странно так все.

Иной раз дед казался полоумным. Но Иван не судил по первому ощущению. Помнил свои сны. Знать, сила была в леснике! Только словами не объяснишь. Только сердце чувствует. Вот и тянулись к нему все. Да не все, видно, могли пересилить свою человеческую натуру – хватать все, чего захочется.

И в последнюю ночь 1994 года люди все так же тянули и хватали. «Не со зла, – говорил Петр, – по бесчувственности». Какая в том была разница, Петр не понимал, так как думал, что если кто бесчувственный, то, значит, с ним и зло по соседству. Потому и выстрел в лесу Иван воспринял как настоящее зло. Дед охоты в этом лесу не открывал. Стреляли не по доброму умыслу – либо в зверя, либо в человека.

Прихватив с собой старшего сына, поспешил Иван на лыжах в лес с фонариком, в ту сторону, откуда выстрел послышался. Оббежали вокруг все и вышли на ту самую поляну за дубровником. А там – кровяные пятна по снегу. И непонятно чья – звериная или человеческая. И следы. Множество. И недоумевал Иван, что не прибежал сюда вместе с ним дед. Побежали к нему сами. А изба открыта и свет везде включен. А деда нет. И следы от машины во дворе. Отродясь у деда во дворе никто машины не ставил. Не любил он машин. «А зверя этого железного, – говорил, – в деревне оставляйте. Ко мне ножками приходите. Или на лошади. Милости просим!»

Так и не объявился дед больше. Сгинул. Убили его и тело увезли ли, или он кого порешил (что во многих сомнениях вызвало) да сбежал, но пропал дед совсем. Через месяц же въехал в дом его новый лесник – молодой парень с женой, только из института. А кота Иван себе забрал. И затосковал... Нет, пить больше не пробовал, но стал каким-то чудным. Соберет ребятешек – и в лес, небылицы рассказывать.

О бедной Саченко замолвите слово...

Вера САЧЕНКО,
с. Чугуевка
Приморского края

Письмо «литвадивостокскому» критику

Здравствуйтесь, дорогой автор статьи «Три гения в одном зале», или книги МГУ им. адм. Г.И. Невельского». С горячим чугуевским приветом к Вам Вера Саченко. Огромное спасибо и низкий поклон Вам за то, что защищаете меня, наивную дурочку, от этого «подлеца» В. Тыцких.

У нас в деревне такое уже бывало. Помилуется парень с девкой, а потом он, парень то есть, по пьяному куражу, и растрёкает (это у нас так деревенские говорят: «растрёкает») своим закадычным дружкам о своей интимной победе. И тут уж пойдут и шумный интерес, и бабы сплетни. Что ж, ведь парень-то такой «подвиг» по пьяни совершает, простить, значит, легко, а Тыцких вроде тверёзый (это у нас так деревенские говорят: «тверёзый»). К тому же деревенский масштаб со всем человечеством не сравнится. Подумать только, я Тыцких В. в своём чувстве признаюсь, ласковым словом «голубчик» ласкаю, а он – всему человечеству! Нет, «подлец» да и только!

Но Вы не сомневайтесь, я сильно не горюю. Опять-таки, благодаря Вам, пропечатали обо мне (это у нас так деревенские говорят: «пропечатали») в альманахе «Литературный Владивосток». Это тебе не под лошадь попасть! Это ведь слава какая!

В силу природного идиотизма (я затрудняюсь определить степень своего родства с бравым солдатом Швейком) чуть не забыла главное. Вы метко заметили, что В. Тыцких с чувством юмора не в ладу. Большие проблемы у него в этом плане. Смеётся вместе со всем человечеством над бедной дурочкой, как будто не над чем больше смеяться. Вы один меня пожалели, дорогой автор. О таких наши деревенские говорят: «Надѐжа-а!»

Хорошее, тёплое письмо я Вам написала, не правда ли?

А дальше писать в таком тоне не стану. Тяжело и совестно.

Прочитую строфу из своего стихотворения, хотя до гениальности В. Тыцких, В. Протасова и Ю. Кабанкова мне далеко.

... Быть может, найдётся хотя бы один на распутье
С такими глазами, в которые трудно смотреть,
И скажет тихонько: «А совесть-то? Совесть-то, люди?
Неужто придётся без совести доброй стареть?»

Простите, но считаю, что Ваша статья написана человеком без совести. Хотя упомянуты в ней хорошие слова о порядочности, о грехе – гордыне... Слишком много в статье тёмного, пошлого.

Я знакома с В. Тыцких с 1996 года. И связывают нас нормальные дружеские отношения. Вместе не раз мы выступали в аудиториях перед школьниками и солдатами, жителями дальних сёл и райцентра. Именно в «Народной книге» (издательской программе В. Тыцких) вышел мой сборник стихов «Лабиринт» (2004 г.). Тыцких В. позна-

комил меня с удивительно красивыми людьми: Л. Качанюк, В. Протасовым, Ю. Кабанковым, Д. Кудрявцевым, И. Пермяковой, В. Кулешовым, В. Костиным, В. Орловой, М. Афиногеновой – всех не перечесть.

Настоящая дружба, безусловно, предполагает открытость. Мы часто спорим с В. Тыцких, потому что зрелый возраст требует позиционирования по отношению и к социально-бытовым вопросам, и к литературе, и уж тем более к мировоззрению. Да, у нас разное подчас мнение о творчестве отдельных поэтов. Да, у нас разные подчас любви и ценности. Да, наши характеры не мёд. Ну и что? Это не мешает нам строить дружбу по-человечески просто и доверительно. Пуд соли осилить нам не удалось, зато и шашлычки мы ели, и рыбу коптили, и водку пили (какой замечательный повод для новых статей!), и песни пели у деревенского костерка, и наслаждались поэзией, и смеялись, и плакали, и кричали друг на друга, и обнимали за плечи, успокаивая тёплыми словами.

Новый год я встречала во Владивостоке, в больнице (перелом шейки бедра). Кто только не посещал мою палату! Среди друзей был и В. Тыцких. Вот откуда эти слова: «Люблю. Целую.»

А что касается непосредственно книжки В. Тыцких «От всего сердца», то о ней также не может быть однозначного мнения, единой оценки. Литература и отношение к ней, простите за банальность, всегда субъективны. Тут уж модус определяется собственно читателем.

Жанр всегда был скользок, как угорь. Таким он и остался. Можно ли причислять к отдельному жанру или литературному формату книгу автографов? Вопрос не риторический, а репрезентативный. Почему нет, если книжки «имеют место быть»? «Автограф» (именно так, согласно словарю В. Даля) – слово греческое и толкуется с этого языка на русский в том числе и как «своеручник». Своей личной рукой подписал, написал автор понятные, казалось бы, только ему и адресату важные слова, но за каждым такими словами (если автограф не формален) стоят уникальные люди, неповторимые встречи. Это живые памятники судьбы.

Кому в нашем почтенном возрасте не приходила в голову мысль об опасности не успеть? Не успеть, например, рассказать подробно и искренно об удивительных людях, с которыми встречался, которыми гордился, которыми был счастлив. Каждый такой человек и вещь, и веха одновременно. Вот откуда, может быть, темпоральность В. Тыцких, желание «растянуть» жизнь и судьбу счастьем памяти.

Это только одна версия, объясняющая появление такой книжки. Существуют и другие, и они могут быть легитимными. Автор статьи почему-то выбрал самый дурно пахнущий вариант.

У жанра книги автографов есть свои разновидности. Потрясающая книга-альбом В. Курбатова «Подорожник» со вступительной статьёй В. Распутина мучит, томит, заставляет сердце биться в ритме России, в ритме культурно-исторической трагедии родины. В. Распутин вспоминает образ В. Курбатова – велосипед на двух неодинаковых колёсах, «сохраняющих способность к движению. Малое колесо – это функция автографа: каждый из избранников вписывает в блокнот собственноручно, что ему заблагорассудится, а большое колесо, несущее основную нагрузку, – портрет автографиста, подробный рассказ о встрече с ним, – или со слов героя, или автора, или дневниковые записи последнего. Жанр, нигде и никогда, кажется, не существовавший, достаточно вольный, но и достаточно слаженный, органичный, увлекательный».

В.Я. Курбатов придаёт автографу особое, личностное значение и вместе с тем, совершенно забыв об этом, говорит о том, «что у нас ничего по-настоящему личного нет – русский человек живёт весь наружу, – ...тут часто собеседники забывают о домашности альбома и вдруг начинают выяснять судьбы Отечества и мира».

Книга-альбом автографов – это не жанр В.Тыцких. Она и построена иначе, и задача, стоящая перед автором, иная. Протогонистом в цепочке «автор – адресат» в книге В. Тыцких является именно автор. Если В. Протасов, подписывая мне свою книгу переводов Эмили Дикинсон «Разговор на языке души» (2004 г.), пишет: «Верочке Саченко, блистательному автору «Агасфера» от переводчика унылой коричневой книжки!», то это характеризует именно В. Протасова как человека благородного, щедрого душой, ироничного, скромного. А я сама лучше всех понимаю, насколько «блистательна» моя поэзия.

Каждый автор автографов в книге В. Тыцких – личность! И он делится с нами своим богатством.

Поделюсь с Вами ещё одной радостью. В библиотеке музея А. Фадеева в Чугуевке мне попала уникальная книжка, тоненькая, бесцветная, потрёпанная, с какими-то пожелтевшими пергаментными страницами. Называлась книжка «Работа деревенского отряда юного пионера» (изд-во «Книжное дело», Хабаровск-Владивосток, 1926 г.). И какой страстный автограф отыскался на первой страничке книги: «Вождю бузотёров, старому партизану и юному пионеру Володьке Теплибузу от не менее юного партизана и старого пионера бузотерии – Слона на добрую и сладкую память». Кто этот вождь бузотёров, кто Слон, не знаю. Но характер людской не спрячешь. Так и встают перед глазами герои «Республики Шкид» и «Педагогической поэмы». Безусловно, пишет взрослый человек, но с таким «пионерским задором», с такой молодостью в сердце, с такой гордостью за качество этой молодости!

Вот тебе и простой автограф.

И ещё одна функция автографа – конкретно-историческая. Может быть, для историка литературы будет архиважно через десятки лет установить факт личных и профессиональных отношений между литераторами, как было бы важно для нас сегодня знать, с кем общался находившийся в Приморье П. Васильев или многострадальный О. Мандельштам, умиравший в пересыльном лагере Владивостока.

С такой точки зрения книга автографов В. Тыцких, на мой взгляд, весома и значима. По поводу Вашего отношения к этой книге, дорогой диагност психических заболеваний и автор вышеупомянутой статьи, могу сказать одно: Бог Вам судья.

Прощайте.

От редакции. 100 экземпляров книги «От всего сердца» предназначались близким людям автора и героев книги.

Учитывая выдающееся внимание «ЛитВладивостока» к этой непредназначенной для широкого круга читателей книге, друзья и соратники решили собрать средства и выпустить в свет второе, дополненное и исправленное, издание.

ОФИЦИАЛЬНО

**ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ
ТРЕБОВАНИЯ,
ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ
К ПРИСЫЛАЕМЫМ
МАТЕРИАЛАМ**

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.

2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке (в крайнем случае – пишутся печатными буквами) с двойным интервалом. На обороте листа **НЕ** писать и **НЕ** печатать.

3. **КАЖДЫЙ** лист должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (**ПОЛНОСТЬЮ**) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).

4. Фотографии принимаются **ТОЛЬКО КОНТРАСТНЫЕ**, высокого качества.

5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (электронный адрес указан в выходных данных). **Файлы принимаются в формате WORD-2003.**

6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора **Владимира Александровича КОСТЫЛЕВА.**

Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ принципиально и в работу НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.**

«ЖИРНЫЙ» КОМПОТ

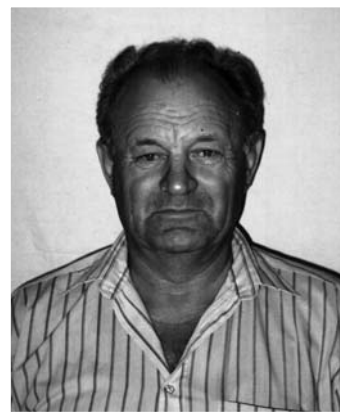
Рассказ-быль

конкурс

Витольд Валентинович родился в 1936 году в пос. Большой Невер Амурской области. После окончания средней школы учился в мореходном техническом училище № 1 г. Владивостока, получил специальность «механик-дизелист» третьего разряда. Работал на судах Дальневосточного морского пароходства. Закончил ДВВИМУ имени Невельского.

Будучи на пенсии, трудился в качестве главного механика по рыбообработывающему оборудованию совместного русско-японского предприятия «Соники». Из «Соники» В.В. Ядрышников окончательно ушел на заслуженный отдых.

**Витольд ЯДРЫШНИКОВ,
г. Владивосток**

Танкер «Серго», светлой памяти нашей морской юности! С него началась наша работа на судах Дальневосточного пароходства. Потом были мои годы учебы в ДВВИМУ, Володи Толкача – в университете, но память об этом старом, постройки 1929 года, танкере не сравнима ни с чем! Это было начало, начало воплощения детской мечты о море!

В описываемый мною период командовал танкером знаменитый в ДВ пароходстве капитан – Белошапкин Григорий Степанович, выпускник первого мореходного училища во Владивостоке в 1920-е годы. О нем можно написать целую книгу, его жизнь это заслуживает. Здесь я упомяну лишь одну, неукоснительно им выполняемую морскую, заведенную еще парусными капитанами, традицию – отбивание склянок. Во времена парусного флота отбивание склянок было необходимостью, так как часов, кроме судового хронометра, ни у кого не было, разве, может, карманных кое у кого из комсостава. Прямо скажем, к 1950-м годам недостатка в часах на судне уже не было. На мостике, в машинном отделении, кают-компании, в столовой, да и почти у всего экипажа, были часы. Необходимость отбивать склянки уже давно отпала. Но только не у капитана Белошапкина! На ходу, на якоре, в шторм, в штиль, в родных или в заграничных портах отбивались двойные удары рынды! Первый час вахты прошел – один дон-дон, второй – два двойных, в конце вахты – четыре. Рында висела на переходном мостике, на гротмачте – ее удары слышны были везде! Так вот, до четырех двойных склянок и начались описываемые события...

За пять минут до нулевых склянок мы с мотористом первого класса Виктором Кривопишей спускаемся в липкую духоту машинного отделения. Второй механик Бубнов Рудольф уже у постов управления двигателей. Быстро обходим двигатели, вспомогательные механизмы. И, если нет замечаний, отпускаем отстоявшую вахту «мотылей» вахты четвертого механика. Лучше всех Вовке Толкачу: он стоит вахту у котлов, которые располагаются над машинным отделением и выведены из действия еще до подхода к Сингапуру. Пар не нужен, так как в танках соя (погрузили в КНР, в порту Дальнем), и грузовые наносы понадобятся не скоро, жилые помещения отапливать не нужно, камбуз на электроэнергии.

Каждый вахтенный у котлов выполняет разную работу по ремонту. Двери котельного отделения открыты на оба борта: дыши всласть тропическим воздухом, можешь подойти к поручням и полюбоваться чистым, все сплошь в звездах небом тропиков. Все спят, только стук двух компрессорных «Зульцеров»

(бум-бум) размеренно доносится из глубины машинного отделения да шум воды за кормой от двух винтов. В нескольких шагах от дверей – трап на грузовую палубу. Можно услышать шлепки падающих на нее летучих рыб. Вахта третьего механика утром будет этих рыб собирать и делать из них засушенные сувениры, предварительно расправив их длинные плавники-крылышки. У танкеров типа «Серго», да еще в грузу, грузовая палуба до двух метров над уровнем моря, поэтому летучие рыбки свободно на нее залетают.

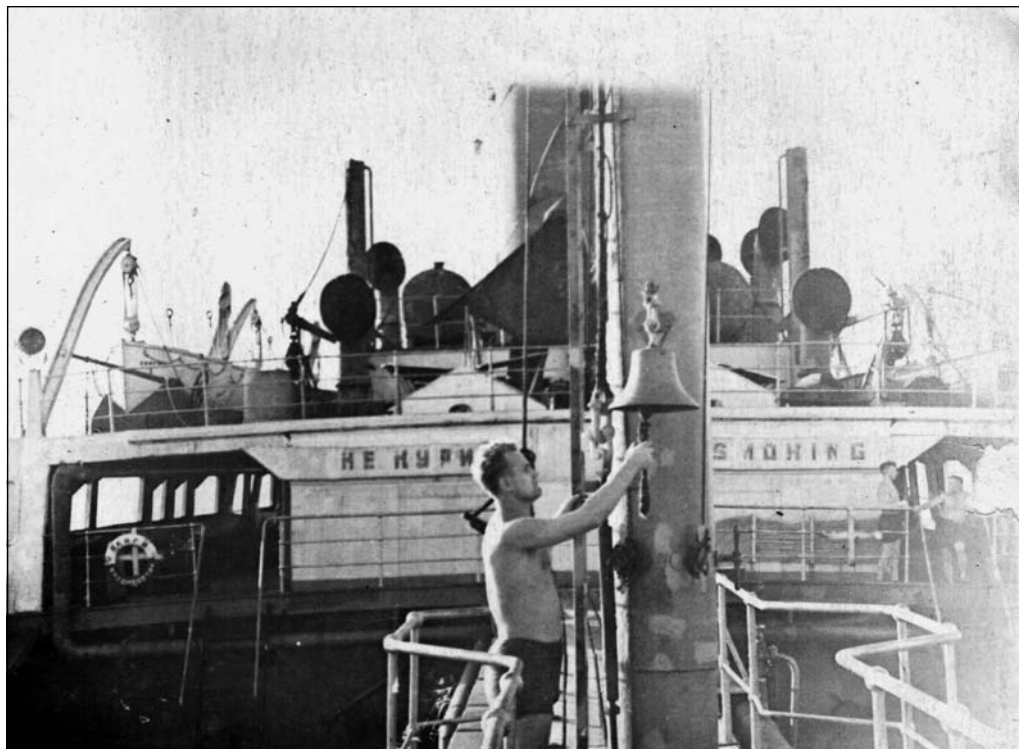
Хорошая вахта у Вовки Толкача! У тех, кто в машинном отделении, то есть у второго механика, и у нас с Виктором Кривопишей – спертый, липкий, пропитанный парами топлива и масла воздух с температурой выше 40 градусов. Танкер «Серго», однотипный со знаменитым киношным «Дербентом», не имел принудительной вентиляции (по правилам Регистра). И поэтому разворотные раструбы на палубе при скорости судна от восьми до девяти узлов притока воздуха в машинное отделение почти не давали, а

продувочные насосы и компрессоры высокого давления двигателей забирали столько воздуха, что при закрытых капах (в дальневосточных морях – зимой) трудно было открыть двери в машинное отделение: так там понижалось давление. Теперь все возможные двери и капы были открыты, но духота в машинном отделении давала себя знать.

Но мы были детьми войны и привыкли ко всяким невгодам и ни на что не жаловались. Мы были рады тому, что попали на судно, которое в зимнее время ходило за «кордон» да еще в такие дальние рейсы: Владивосток – КНР (погрузка сои) – Гамбург. Естественно, по пути – Сингапур, Суэцкий канал. А за плечами только двадцать лет, мечты, и здоровья, как казалось, хватит на двоих! Ну и, конечно, на что было грех жаловаться, так это на аппетит. И хоть уже шел 1957-й, голодные военные годы давали о себе знать: ко всяким разносолам мы не были приучены, и даже годы учебы в техническом училище № 1 плавсостава (Владивосток, 1954 – 56 гг.) не особо избаловали нас разнообразием курсантского харча. А тут... По сравнению с другими (каботажными) судами, нас снабдили в рейс «шикарным» харчем. Да и в Сингапуре мы добрали фруктов и овощей. Что и говорить, грех было жаловаться!

Из-за жары в помещении столовой на кормовой палубе под навесом, были сколочены столы рядом с дверьми камбуза. Завтракать, обедать и ужинать, пить чай на палубе под навесом в тропиках – с чем сравнить такое удовольствие? Да еще полагалось 300 граммов сухого вина в день! Вахты второго помощника капитана и второго механика сменялись в четыре часа утра. Завтрак, по давно заведенной на флоте традиции, как правило, готовит матрос, которого в три часа второй помощник отправляет отбить третью склянку и идти его готовить. Я же, моторист второго класса, в два часа ночи, с разрешения второго механика, уходил в курилку якобы покурить. Это было наше с Вовкой Толкачом время: с двух ночи до двух десяти, ну до двух пятнадцати. Быстро поднимаюсь в кочегарку к нему. Что делать – было спланировано заранее. Быстро поднимаемся на ботдэк к капам камбуза. Один из них, ближний к правому бор-

Вахтенный В. Ядрышников у рынды. Танкер «Серго», 1957 год.

ту, легко поднимался полностью, так, что его не надо было держать. Вот спрашивается: дверь на камбуз на кормовой палубе рядом с кочегаркой, открой и заходи, как это сделает матрос в три часа. Но нет, надо с другого борта подняться на кормовую шлюпочную палубу и через капы залезть на камбуз.

Вовка был худ и высокого роста. Он опускался в открытый кап, держась за корпус закрытия, а затем за мою руку, и, когда его нога касалась плиты, я по его команде отпускал его руку. Он становился прочно на плиту и прыгивал на палубу камбуза. Включал на короткое время свет, осматривался. То, что оставлено на завтрак вахте, – табу. Это ясно. Надо поискать чего-то еще. Наша повариха, дородная тетя Галя, то что испечет, запечет, а то спрячет наваристый, с хорошим мясом мосол в рукаве своей поварской куртки. Она у дверей на вешалке. Все, что нам удавалось «добыть», – это оставшиеся котлеты, а то хороший шмат рыбы – Вовка прятал во взятый с собой холщовый кулек. Мы его давно нашли в ветоши.

«Раздобыв» что-либо, Вовка поднимался на плиту – и все совершалось в обратном порядке. Заскакивали в котельное отделение и быстро расправлялись с «добычей». В десять минут мы обычно укладывались. «Покурив» таким образом, я спускался в машинное отделение. Пора готовить вахту к сдаче. Так продолжалось довольно долго. Повариха тетя Галя догадывалась, куда и как исчезают ее заготовки, но особых нареканий с ее стороны не было: все же это были остатки.

Но в ту ночь все пошло не по нашему плану. Когда я опускал Вовку на плиту камбуза, у него с ноги сва-

лился «гад»: рабочий, растоптанный, промасленный, без шнурков, естественно, ботинок, послуживший не одному поколению мотористов. Когда Вовка, уже спрыгнув с плиты и включив свет, осмотрелся, то ни на плите, ни вокруг нее ботинок не нашел. Всегда, когда он включал свет, с плиты, со столов с шумом и писком разбегались крысы. Он мне и говорит громким шепотом: «Крысы ботинок утащили». «Добычей» же нашей стал мосол из рукава поварской куртки. Еще раз осмотревшись, он так своего «гада» и не нашел. Ругнувшись, я ему говорю: «Выходи через дверь тихонько, я закрою кап, времени уже на «обычный» выход не остается».

Когда заскочили в кочегарку, то тут надо было срочно решать, как ликвидировать улику: ведь утром ботинок найдут. Ну не могут же крысы его полностью, с гвоздями, съесть! Поскольку Вовка в кочегарке сам себе хозяин (механик-то внизу!), то решили: времени еще полтора часа минимум, он еще раз зайдет на камбуз, поищет этот чертов «гад». Не найдет – то сбегает в каюту и найдет себе другие «гады», оставшийся – выбросит за борт. А вообще – молчок. Для всех – мы там не были.

Сменились с вахты, позавтракали. Как всегда, мортреп почти до пяти часов. А в пять поднимаются уборщица, дневальная – не до поисков. Улеглись спать, думая о случившемся. Подъем нашей дневной вахты – в 11.00. Умыться, пообедать – и на вахту. За столом только заступающие на вахту. Весь народ придет в 12.00. Поели первое, второе, дневальная налила в кружки компот. Бак с компотом обычно выносили к столу на специальную подставку. Компот варился с вечера, и бак оставался на плите, расклиненный специальными штормовыми стержнями: вдруг будет качка? Ни я, ни Вовка как-то ничего в компоте не заметили, а матрос Женя Тряскин говорит: «Рая, что-то компот горьковатый, и пленка жирная от ягод». – «Да ничего особого, – говорит Рая, – все как обычно». С тем и ушли на вахту.

Но у Вовки-то вахта – в двух шагах от стола. И он, конечно, через открытую дверь кочегарки услышал «хай» пришедшего на обед экипажа. Кто-то попросил зачерпнуть ему ягод со дна. Черпак, надо сказать, был довольно внушительный, не чета суповой чумичке. Зачерпнула дневальная «со дна пожиже» – и с криком: «Ой, что это там?», – вытащила, что бы вы думали? – да тот самый якобы съеденный крысами «гад». Что началось!

Лучше всего тут бы сказать: «Опустим занавес на сцене, где разыгралась эта трагедия». Ведь нашлись люди, которые бросили обед, кого-то затошнило...

Выпускник ДВВИМУ им. Невельского. В день защиты диплома.
Июнь 1965 года.

Надо сказать, бывалые моряки отнеслись к происшедшему со смирением. Но все это случилось на корме, за столом, где обедает рядовой состав. В среднюю надстройку в каюткомпанию обед относили двое матросов в никелированных ведрах с крышками. Компот от общего бака также отливали в эмалированное ведро. Ботинок, естественно, туда не попал. Комсостав любил (что поделать?) юшку от компота. Но вкус «ягоды», попавшей в компот, почувствовали и в каюткомпании. Вызвали на корму старшего помощника Сорокина Виктора Николаевича, помполита. Ботинок водрузили на принесенный стул как «ценный» трофей. Проверили рабочую обувь у всей машинной команды, но рассматривали и злой умысел

со стороны матросов. Нас с Вовкой Толкачом старпом и помполит замучили расспросами. Мы стояли насмерть. До слез довели и повариху, и дневальную. Нам их до сих пор жаль. Мы и сами не могли понять, как этот «гад» попал в бак. Ведь когда Вовка искал его в ту злополучную ночь на камбузе, то клятвенно уверял меня: «Бак был плотно закрыт!» Не скоро утих этот скандал с «жирным компотом». Усилили контроль за камбузом, ну а наши «налеты» на камбуз, естественно, прекратились.

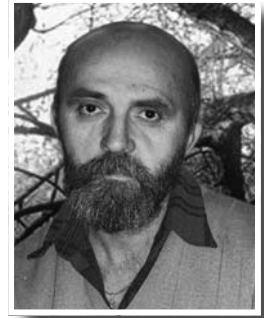
Скандал потихоньку утихал и утих, но нас мучил вопрос: как ботинок попал в бак? Наконец мы нашли в машинной кладовой, называемой «зверинец», старую кастрюлю с крышкой, выровняли в кочегарке. По ночам попытались симитировать «процесс». И вот закрыли кастрюлю крышкой, немного сдвинули ее с места, оставив щель между краем кастрюли и крышкой. Бросили большой болт на край крышки в этом месте. Она встала ребром, и болт оказался в кастрюле! Мы даже обрадовались нашему «открытию». Много раз повторили этот эксперимент и поняли: крышка бака до того момента, как Вовкин ботинок упал на нее, была чуть сдвинута с места. Как только ботинок упал на крышку с приличной высоты, она встала ребром, «гад» булькнул в компот, а крышка встала на место. Но мы, конечно, поклялись никому об этом не рассказывать. И вот по прошествии пятидесяти трех лет я эту клятву нарушаю. Многих уже нет, но мы с Володей Толкачом живы и помним, как мы сделали компот «жирным». Да простят нас оставшиеся в живых члены экипажа: сделали мы это не специально, конечно.

Все рассказанное основано на реальных событиях, имевших место на танкере «Серго», в тропиках, в 1957 году. Фамилии и имена всех действующих лиц реальные.

Испытания даются на благо...

Николай ЗИНОВЬЕВ
г. Кореновск

Дядя Миша пьёт по-чёрному,
Утопил он всё в вине,
И поэту утончённому
Он не нужен. Нужен мне.

Жизнь его так исковеркала,
А ведь парень был на «ять».
На него гляжу, как в зеркало
На себя лет через пять...

Дядя Миша пьёт по-чёрному,
Потому что жизнь черна,
А поэту утончённому
Светлой кажется она.

Прав поэт иль дядя Миша –
Это знают только свыше.

Испытания даются на благо,
Нет блаженнее русской души.
И не Китежа призрак – ГУЛАГа
Видел я проплывавшим в ночи.

И когда он проплыл, села влага
Цвета красного на камыши...
Бог страданья дарует на благо,
Нет блаженнее русской души.

Мать

Он в пороках неуёмен,
Невоздержан на слова,
Но душой ещё не тёмнен,
Потому что мать жива.

Есть ещё кому молиться
За него сквозь дымку слёз.
Долго ль это будет длиться? –
То уже другой вопрос.

На смену тьме приходит утро,
И солнце красное встаёт.
Понять, что мир устроен мудро,
Ума пока недостаёт.
От этого в душе
Такая кутерьма!
Пока или уже
Недостаёт ума?

К гербу России

Я при людях не плачу, не баба.
Но, двуглавый,
не слишком ли слабо
Держишь в лапах
остаток страны?
Чуешь пристальный взгляд
сатаны?

Ты вонзи свои когти поглубже,
Позабудь вековую усталость.
Если хватку ослабишь, то тут же
Вырвут даже и то, что осталось.

В пивной

Подъезжает на коляске
И небритый, и седой.
Наливаю «под завязку»,
Мне не жалко. Он – Герой.
Он в Чечне оставил ноги
И ползвода своего,
А ребята были – боги.
Помнит всех до одного.
Выпив, морщится: «Отрава!», –
Пьёт ещё. Потом кричит:
«На хрена мне эта слава,
Слышишь?»
Родина молчит.

Я сам душе своей Сусанин,
И так заблудшая темна,
Что я себе и людям странен.
Я весь в тебя, моя страна!

Тесен мир. Уже не странно,
Вынув руку из кармана,
Ощутить чужую в нём, –
Что поделатъ, так живём.

Вослед прошедшей нищенке
любой
Болит душа, как рана ножевая.
Но как отраднo
сквозь тоску и боль
Подумать о душе своей: «Живая».

Я ничего не понимаю,
Я ни о чём не хлопочу,
Лишь только руки протираю
Навстречу звёздному лучу
И жду, когда ж я улечу?

Мне ж говорят: «Повремени».
И держат за спиной ремни.

«Россия снова возрождается!» –
Я слышу на день по сто раз,
Но почему ж не вырождается
Орда мошенников как класс?

Я на такое возрождение
Своё имею возражение:
«Не вновь ли за нос водят нас?»

Бывают дни особой силы,
Когда в течение дня всего,
Помимо «Господи, помилуй!»,
Нет в мыслях больше ничего.

Караси

Речка пересохла,
Но в густой грязи
Цвета тёмной охры
Живы караси.

Незавидна участь
Их, конечно, но
Русская живучесть
Славится давно.

У вагонного окна

То берёзы, то осины,
А простор вокруг какой!
Ну и глыбища, Россия!
Не смахнёшь её рукой.

СССР был тоже глыба
И сильнее во сто крат.
Ну и где он? Что, как рыба,
Замолчал? Вот так-то, брат.

Старинное оружие

Если натовских танков армада
Путь направит на Русь – их вина.
Выйдет старец из кельи
с лампадой,

Освещающей все времена,
Оглядит всё всевидящим оком,
Переглянется с миром иным –
И все танки, сколь было их, скопом
Станут рылом обычным свиным.
И растащат собаки то рыло
По великой Руси: кто куда...
Кстати, что-то подобное было.
Только вот не припомню когда.

Мелодия, звучащая в душе,
Стихает... Вот на нет сошла уже,
Остались кой-какие пустяки –
Вот их и превращаю я в стихи:
Их сладкий дым и горький чад
Опять мелодией звучат.

Жене

Земного владычица рая,
Прости, что слукавить не смог,
Но ты – мне опора вторая,
А первая – всё-таки Бог.

Такое я мнение имею,
И истины нету другой.
Но всё же куда я сумею
Допрыгать с одной ногой?

Крест

И понял я на склоне дня,
Когда закат тёк речкой алой:
«Не я свой крест, а он меня
Несёт по жизни небывалой».

Непредставимое

Колхозный сторож едет в Ниццу.
Никто не варит самогон.
Закрыт последний полигон.
Ведут последнего убийцу.

Прохожу. На калитке одной
Надпись краскою: «Злая собака».
И действительно: взгляд ледяной,
Холка волчья и зубы. Однако
Отворяет калитку малыш,
Года три ему, может,
чуть больше,
И верхом на собаку! О Боже!

Мальчик, будто на кротком осле,
На цепном кобеле восседает.
Ничего он не знает о Зле,
И собака его не кусает.

Мужичок

Сидит, дымит махоркою
Небритый мужичок,
Глядит с ухмылкой горькою
На свой земли клочок.

Пока он на завалинке,
В нём силы – на щепоть,
Но встанет этот маленький –
Не приведи Господь!..

Мы лежим на тёплых листьях,
Не влюблённые, а так...
Ты ждала полжизни принца,
Я полжизни холостяк.

Лень тебе пошевелиться,
Да и мне, признаться, лень.
Золотой, осенний день...
Листья падают на лица...

Ходят люди, чешут темя –
Жизнь даёт опасный крен.
Веселитесь – ваше время!
Маклер, брокер, бизнесмен.

Я бы русскими словами
Вас назвать, конечно, мог.
Ну да ладно уж, бог с вами...
Только вряд ли с вами Бог.

Моё родное захолустье,
Ты словно создано для грусти:
Кривые хаты, мокрый луг,
На лавках сборище старух,
Прибитых немощью к безделью,
Ночами жуткий крик совы.
Ничтожным поводом к веселью
Обрадуй, Господи!
Увы...

Страшный мир

Вы видели костры кричащие?
Нет? Значит, не известно вам,
Что их потом сгребают в ящики
И отправляют матерям?!

Счастье

В обнимку с утренним туманом
Течёт под ивами река.
Сиди и тешь себя обманом,
Что счастье есть наверняка.
А что твоё не объявилось,
Ты не труби о том, как лось.
Наверно, где-то зацепилось
И, как блесна, оборвалось...

Памяти В. Шаповалова

Ещё нам с Вовкой лет по восемь,
Ещё мы с ним летаем в снах,
И у соседей груш не просим,
И носим латки на штанах.

Ещё мы курим под кустами
Бычки отцовских сигарет...
И до войны в Афганистане
Ещё почти двенадцать лет.

Первые сединки в волосах.
Тонкие чулки в такую стужу.
Брови словно нитки. А в глазах –
Ничего, похожего на душу.

И стоит, румянами горя,
«Сука привокзальная», «Катюха»,
«Катька-полстакана»,
«Катька-шлюха».
Катя... Одноклассница моя.

Хлеб надсущенный

Как Древний Рим времён упадка,
Хрипит и корчится страна.
И лишь горячая лампадка
Мне не даёт сказать: «Хана».

Лишь эта плошка
с козьим жиром,
В котором плавает оса,
Мне не даёт с постылым миром
Свести всё счёты в полчаса.

Когда, измученный тревогой,
Начну придумывать беду,
Я к речке тропкою пологой,
Как к другу верному, иду.

...Вернусь оттуда,
как из детства:
Нет глупых мыслей в голове,
Нет зла в душе, нет боли в сердце,
Лишь стрекоза на рукаве.

Сходство

Деда ратная дорога
Дыбом встала, как змея...
Дед мой тем похож на Бога,
Что его не видел я.

На рыбалку собрался пойти –
Чужаки взяли речку в аренду.
Так и рвётся из русской груди
Благодарность моя президенту.

ПОЕДИНОК

**Виктор ДЕБЕЛОВ,
г. Арсеньев**

Снайпер сидел на земле, прислонившись спиной к израненной осколками мин и снарядов ели. Потом он повернул лицо к стволу и медленно провел взглядом по нему до того места, откуда начинались ветви. Свежие белые отметины недавних боев чередовались на нем с повреждениями двухлетней давности, когда в этих местах, на левом берегу Свири, прогремели первые выстрелы.

Ишь ты – живет! И будет жить – назло этой нечести! И после войны долго еще жить будет. Затянутся раны, рядом поднимется молодая поросль, и кто-то, как до войны, придет сюда собирать грибы да ягоды.

Не придет командир соседней роты...

Два дня назад здесь снова наступило затишье. В такие минуты поговорить бы с каждым бойцом и командиром, лишний раз проверить несение службы в боевом охранении. Ротный медленно двигался по траншее, изредка поглядывая в сторону финнов. Примерно в полукилометре от нашей передовой враг еще в 1941 году, когда на Свири установилось равновесие сил, поставил в зоне действий полка несколько дотов и дзотов, и нередко они обрушивали на позиции пехотинцев шквал такого огня, что не только высунуться – головы не поднять. Но сейчас – тишина...

Его принесли в медсанбат уже мертвым. Над правой бровью запеклась корочкой кровь с двухкопеечную монету. Фашистский снайпер, видя в перекрестье оптического прицела с дальнего расстояния, пожалуй, лишь офицерскую фуражку, был точен.

Александра Терешина вызвали в штаб полка к вечеру. Даже при тусклом свете керосиновых ламп бросилась в глаза мертвенная бледность незнакомого капитана с рукой на перевязи – с явным ранением в плечо.

– Слушай, Терешин, – пристально посмотрел на бойца полковник Сопенко, – ас у них там какой-то завелся. Охотится только на офицеров, вот и капитан из штаба дивизии не уберется, хотя на фронте с сентября сорок первого. Достань мне эту сволочь! Как хочешь, а достань, ведь по рукам и ногам вяжет! Так и воевать не с кем будет. Вся надежда на тебя: знаю – умно работаешь. Приказ тебе такой: уничтожить вражеского снайпера. Срок – двое суток.

– Есть уничтожить вражеского снайпера! – вскинул руку к пилотке Терешин. – Разрешите выполнять, товарищ полковник?

– Постой, – обнял его комполка. – Приказ – это если по уставу. У финнов на нашем участке фронта появился не простой снайпер. Как установила разведка, сюда пожаловал сам Ганс Келерманн, который попортил нам немало крови у Ленинграда. Говорят, бывший чемпион Германии по стрельбе из винтовки. В общем, не приказываю – прощу.

...Снайпер поднялся, закинул винтовку за спину. Прошли сутки с момента получения приказа, но даже приблизительно не удалось установить, где его соперник устроил свое осиное гнездо. Потерь больше не было: офицеры полка стали предельно осторожны, как того и потребовало начальство.

Он прилег на нары в своей землянке, мысленно стал прощупывать глазами каждую складку на местности, каждый холмик. Лесок справа Терешин сразу же сбросил со счетов: он слишком близко подходил к траншеям на нашей стороне, и уж на опушке вражеский снайпер прятаться не станет – слишком опасно. Прямо, на открытой местности, одна в другую переходили две небольшие высоты, у подножия меньшей из них виднелся горб дзота. До сих пор у Терешина не было сомнения в том, что враг ведет огонь именно с одной из высоток, откуда, конечно, хорошо просматриваются линии обороны полка. Засыпая, Терешин решил обратиться завтра за помощью к артиллеристам, понаблюдать за высотами в стереотрубу.

Утром он смастерил манекен, на «плечи» ему накинул гимнастерку с погонами капитана, сверху приспособил фуражку. Однако особой надеждой себя не тешил: невелика хитрость, чтобы на такую приманку да клюнул ас. Но – вдруг?

Никакого «вдруг» не случилось. Как ни старались бойцы отделения, манипулируя поведением манекена, выстрела с той стороны не последовало. Гитлеровский снайпер явно имел возможность не торопиться, хорошо разобраться, кто находится в перекрестье прицела. В полдень Терешин отставил стереотрубу в сторону: враг, ничем себя не выдавая, терпеливо ждал очередной жертвы.

Терешин вернулся в землянку. Он хлебал из котелка деревянной ложкою щи, когда вошел замполит роты старший лейтенант Зевенков. Присел рядом с ним.

– Ничего?

– Как вымер, товарищ старший лейтенант. Это, я вам скажу, настоящий снайпер. Простите, что хвалю врага, но есть за что хвалить. Была у меня однажды дуэль с одной такой же сволочью, вы тогда еще в другой роте воевали. Недельку охотились друг за другом, но я быстро находил его новые позиции, даже ложные. Все путал меня – не вышло. А тут – ни черта. Ну прямо как вымер!

– Да, Терешин, – посочувствовал замполит, – задал же тебе задачу командир полка. Рад бы помочь, да, увы, – задача не в моей компетенции. Но... Вечером вместе пойдем докладывать о невыполнении приказа. Попросим дать еще сутки.

Замполит встал с нар, надел фуражку, которую снял, когда боец пригласил его отобедать вместе с ним. Взяв-

шись за козырек, потянул туюль вниз. Провел ребром ладони от звездочки к носу и, убедившись в правильности центровки головного убора, стал прощаться:

– До вечера, Терешин. Как говорится – дай бог! Не получится – отвечать будем вместе.

Боец молчал и как-то странно смотрел на офицера. Вдруг он стремительно вскочил; зазвенел упавший с колен котелок:

– Товарищ старший лейтенант, смотрите прямо на меня! Прошу вас!

Замполит в упор посмотрел на Терешина.

– Так, хорошо, товарищ старший лейтенант. Теперь медленно поворачивайтесь налево.

– Да ты что еще, Терешин, за опыты надумал проводить? – недовольно выговаривал замполит, выполняя, однако, просьбу бойца. – Ну, что надумал?

– Немного правее, стоп! – поднял руку снайпер. – Он в дзоте. Помните, командиру роты пуля попала чуть правее и выше переносицы – он в этот момент стал поворачиваться влево и открыл прямую часть тела. Капитан «поймал» пулю тоже справа и чуть-чуть спереди.

Терешин взял карандаш, бумагу. Провел одну линию, перпендикулярно ей другую и под острым углом к этой перпендикулярной – третью.

– Вот, смотрите, эта третья линия – траектория полета пули. Она упирается в дзот. Теперь бы только выкурить его оттуда. Впрочем, есть идея...

Замполит снова увидел перед собой того самого, всегда аккуратного и собранного снайпера Терешина, на счету которого шестьдесят четыре фашиста, и имя которого с уважением произносили на всем Карельском фронте.

– ...Теперь – кто кого первым увидит, тому из нас жить. Он не промажет, я тоже не промахнусь. Пойду караулить судьбу в дзот к нашим пулеметчикам. Товарищ старший лейтенант, если бы вы не зашли сейчас в землянку, – Терешин покачал головой, – долго бы мне мучиться насчет этого Ганса. Считай, крупно повезло.

– Слушай, Терешин, а ведь я с тобой ни разу не был на позиции. Комиссар, однако, все слухом, слухом, по твоим да чужим рассказам знаю тебя в деле. Если уж в дзот, то и для меня там местечко найдется. Идем!

...Он увидел фашистского снайпера совсем близко. Едва трубка оптического прицела нашла амбразуру вражеского дзота, Терешин вздрогнул. Он готовился к этому моменту, до мелочей рассчитал свои действия, но то, что случилось, не поддавалось никакой логике: винтовка Келерманна была направлена прямо на него. Вздрогнув, он потерял только секунду. И – проиграл первый раунд вчистую. Проиграл, но остался жив.

Терешин уже плавно вел спуск курка, одновременно подгоняя перекрестье прицела под левый глаз фашиста, не защищенный винтовкой, и увидел нацеленную на него винтовку.

Его толкнуло в плечо. Отшатнувшись от амбразуры, боец удивленно посмотрел на затвор винтовки: он не успел выстрелить, но почему же отдача?

Затвор не оттягивался назад, патрон не выбрасывался из патронника.

– Вот это случай, – задумчиво произнес Терешин. – Неужели...

Офицер взял оружие бойца, ручкой пистолета легонько постучал по рукоятке затвора. Сдвинув его с места, резко дернул назад. На патроне виднелся наплав металла пули фашистского снайпера. На кромке дула, спереди, тоже застыл крохотный кусочек металла чужой пули.

Вражеский снайпер на этот раз стрелял разрывными. Стрелял безукоризненно точно. Часть разорвавшейся пули заклинила канал ствола. Два-три миллиметра в сторону – и дуэль закончилась бы печально для Терешина.

Через два часа он должен доложить полковнику Сопенко о выполнении приказа.

Теперь наш снайпер точно знал, что выполнит приказ. И выполнит именно к двадцати ноль-ноль, то есть до наступления сумерек. Или до наступления сумерек погибнет сам. Нет, им не овладел азарт, не обуяла его злость за неудачу.

«Умно воюешь», – сказал позавчера комполка. Он и воевал умно. Он подумал о том, что фашистский снайпер, сделав свое дело на этом участке фронта и оставшись без работы, переключается на другой участок. Где теперь его ждать? И еще Терешин подумал, что на том, другом, участке фронта этот Ганс убьет нескольких командиров, скует действия наших штабов. В общем, создаст дополнительную напряженность в боевой обстановке. Такой снайпер может наделать большой беды.

Ему принесли его вторую винтовку – подарок комдива: сам он бегать сейчас не имел права, иначе сбой дыхания неизбежен. Терешин спешил, чувствуя, что в эти минуты там амбразура пуста, враг отдыхает, уверенный в победе над советским снайпером.

Терешин отошел в глубину дзота, положил винтовку на ладонь. Припав к прицелу, медленно двинулся к просвету амбразуры. В трубке прицела, все расширяясь, приближался черный проем амбразуры вражеского дзота, словно магнитом притягивая к себе взгляд снайпера. В метре от передней стены Терешин остановился: Ганса Келерманна не было в этом проеме.

Но он появится, обязательно появится! Отдохнет – и снова начнет охоту, пока позволяет световое время. А завтра он может, ненаказанный, убраться.

От напряжения резало глаза, однако Терешин и мысли не допускал самому передохнуть: даже секундное расслабление грозило окончательным проигрышем дуэли врагу.

В оптике прицела сверкнули блики отдаленного предмета. И сразу же Терешин увидел лицо фашиста, клонящееся к винтовке. Замполит, с замиранием сердца следивший за дуэлью, только и сумел уловить, как вздрогнуло плечо бойца, – звук выстрела дошел до него гораздо позже. Тысячи таких выстрелов, до убийственности оглушающих, слышал Зевенков за время войны, а этот не услышал.

Снайпер, откинувшись на стену дзота и указав на оптический прицел, протянул винтовку старшему лейтенанту:

– Там все увидите.

Лучший стрелок группы армий «Север» сидел неподвижно. Он прислонился к прикладу лежащей на боку винтовки, глаза его были прикрыты. Ганс Келерманн был мертв.

Перекрёсток

Ян БРУШТЕЙН,
г. Иваново

Родился в Ленинграде вскоре после войны. Юность прошла в Пятигорске. Сорок лет живет в Иваново. Служил в армии. Участвовал в вооружённых столкновениях в 68-м на Амуре. Работал журналистом. Потом преподавал в вузе историю и теорию изобразительного искусства. Кандидат искусствоведения.

В «новое» время участвовал в создании негосударственного телевидения. Возглавлял крупный региональный медиа-холдинг. Ныне руководит службой продвижения в крупной текстильной корпорации.

Стихи печатались в журналах «Юность», «Знамя», «Волга», в сборниках. В конце 2006 года выпустил книгу-альбом компьютерной арт-графики и стихов «КАРТА ТУМАННЫХ МЕСТ». В марте 2009 года в Москве вышла книга стихов «КРАСНЫЕ ДЕРЕВЬЯ».

Живопись и компьютерная графика были представлены на семи персональных выставках.

СЛОВО

Эта вечная наша надсада:
Разговоры, как через стекло,
И последнее слово мне надо
Громко выкрикнуть, чтобы дошло.
Так бывает порой между нами
На вокзале, на выдохе дня –
Ты потешно разводишь руками
И не хочешь услышать меня.
И стремительна ты, и готова
К этой новой, отдельной судьбе.
И мое задыхается слово,
И пути не находит к тебе.

НЫРЯЮЩИЙ С МОСТА

Ныряющий с моста бескрыл,
 печален, вечен.
Взлетающий из вод –
 хитер и серебрист.
И встретятся ль они,
 когда остынет вечер,
Когда забьется день,
 как облетевший лист?
Ныряющий с моста,
 крича, протянет руки,
Но унесет его резины жадной жгут
Туда, где у воды дебелые старухи
Намокшее белье ладонями жуют.
Взлетающий из вод
 без видимой причины
Застынет, закричит,
 затихнет и умрет:
Его стреляют влет
 солидные мужчины,
Там, где летит к земле
 горящий вертолет,
Где непослушный винт
 закатом перерезан,
Где не узнаешь зло
 и не найдешь добро...
Ныряющий с моста стоит,
 до боли трезвый,
И смотрит, как река уносит
 серебро.

ПИТЕРСКОЕ

Мне старая улица Шамшева
Прошамкает вслед нецензурно.
Доныне душа моя там жива –
В сараях за каменной урной.
Её поджигали беспечно мы,
И статные милицъёныри
Неслись, получая увечия,
Ругаясь и в душу, и в веру,
За нами. Но мы, слабокрылые,
Взлетали над крышами ржавыми,
Над ликами, лицами, рылами,
Над всей непомерной державою,
Над тихой квартиркой бабусиной
(Пушкарская, угол Введенской),
Домов разноцветные бусины
Сияли игрушками детскими.
Любили мы, к ветру привычные,
Отличную эту затею,
И крылья, к лопаткам привинченны,
Никак уставать не хотели.
Смотрели на город наш
 махонький,
Туда, где такой бестолковый,
Помятой фуражкой размахивал
Восторженный наш участковый.

ЛОДОЧКИ

Наденешь ты лодочки лаковые,
Пройдёшься у всех на виду,
И парни, всегда одинаковые,
К точёным ногам упадут.
Глаза, до ушей подведённые,
Стреляют их по одному...
У мамы – работа подённая,
У батюшки – всё в винном дыму.
Откроешь с подчеркнутым
 вызовом
Ненужный, но импортный зонт.
Витёк, военкомовский выродок,
В «Победе» тебя увезёт...
Слепая луна закачается,
И я, прилипая к стеклу,

Увижу, как ты возвращаешься
По серым проплешинам луж.
Пройдёшь мимо окон, потухшая,
В наш тихо вздыхающий дом.
В руках – побежденная туфелька
С отломанным каблучком.
Ушедшего детства мелодия,
Дождя запоздалая дрожь...

На красной забрызганной лодочке
Из жизни моей уплывёшь.

ПЕРЕКРЕСТОК

Я утром вышел из пальто,
 вошел в седой парик.
Старик с повадками Тельца
 стучал в литую медь.
Шел ветер с четырех сторон,
 вбивал мне в глотку крик,
И шрамы поперек лица
 мне рисовала смерть...
В окно с наклеенным крестом
 я видел, что бегу
Там, где у хлебного стоит,
 окаменев, толпа –
На той проклятой стороне,
 на страшном берегу,
Куда всегда летит шрапнель,
 бездушна и слепа.
Смотрите, я улегся в снег,
 пометив красным путь,
И мамин вой ломал гранит
 и гнул тугую сталь...
Я там оттаю по весне,
 вернусь куда-нибудь
И позабуду, что хранит
 во все века февраль.
Я сбросил эту седину,
 я спрятал в пальтецо
Свои промокшие глаза,
 небывшую судьбу.
От страшного рубца
 отмыл промерзшее лицо,
И в памяти заштриховал:
 по снегу я бегу...

Ваша светлость

Галина ЯКУНИНА,
г. Владивосток

ВАША СВЕТОСТЬ

Яблони клонят налитые ветви,
Кот на завалинке дремлет вполуха.
Анна Антоновна с улицы Светлой
Чинит, как может,
крыльцо-развалюху.

К ночи управится
с помощью Божьей.
Внук обещался, да что-то все нету.
День-то какой: благодатный,
погожий –
Славная смена холодному лету.

Прядки под гребень привычно
заправит,
К небу поднимет глаза молодые...
Что ей искать виноватых
и правых?
Дети есть дети – чужие, родные.

На разговоры о зле, о корысти
Бабушка Анна не отвечает –
Молча срезает созревшие кисти,
Молча косички из лука сплетает.

Молча несет одинокую старость.
Даже хворает
с достоинством, молча.
Вся для других ее тихая жалость:
– Доча, ничо... Образуется, доча.

И незнакомая раньше несмелость
Мне не позволит сказать
от души ей:
– Анна Антоновна,
Ваша Светлость,
Если б не Вы –
Что бы стало с Россией?

МАТЕРЬ БЕСЛАНА

(колыбельная на кладбище)

Спите, дети, усните...
Рано в школу вам, рано:
горе учит там взрослых
урокам Беслана.
В сердце Матери мира
стучит его пепел...
Не спешите на землю:
рано вам, дети.

Не спешите, родные:
на земле – убивают.
Здесь легко
нерасцветишую жизнь обрывают
то во славу Христа,
то по слову Корана...
Сколько раз это было –
ещё до Беслана.

Где вас, милые,
только не убивали!
Во дворцах и в Ипатьевском
стылом подвале.
Ради власти, идеи
и просто – куражась...
И царёвых детей,
и бездомных бродяжек.

Вас в полон угоняли,
в рабов обращали –
материнские крики
в веках не стихали.
Сквозь пожары неслись
кони рыцарской свиты –
что им детская жизнь?..
Стебелёк под копытом.

Над землёю-вдовой
пляшет ветер-безбожник.
Мир, где дети заложники, –
тоже заложник.
Он за слёзы ребёнка
давно не в ответе...
Чёрный пояс шахидки –
На теле планеты.

...Вновь текут,
словно слёзы,
по лицам
экранов
кадры
школьной
линейки:

День Первый Беслана...
Только кнопку нажать –
остановится праздник
на краю, где бессилье
страшней лютой казни...

Спите, солнышки, спите...
Над землёй солнца нету:
мой обугленный взгляд

разве выдержать небу?
Все молитвы, все слёзы –
за чёрным порогом:
мы на ваших могилах
сидим рядом с Богом...

ЛЕЗГИНКА НА УССУРИ

Волны смолкли, страшась
зацепить раскалённый край пляжа.
И жюри от жары
сатанело при каждой заминке,
но жалело в душе
дагестанских парней в камуфляже:
не спеклись бы в кирзе,
не спалили бы крылья лезгинке.

С удивленьем, восторгом
вбирали берёзы-подростки
ритмы рек ледяных,
эха горного голоса гортанный.
А солдаты, помедлив,
привстали на шатких подмостках
на носочки и – взмыли
над русской полынной поляной.

Что творили они
на речном допотопном понтоне –
семь сердец, семь лучей –
танец, словно алмаз, ограняя!
Разве можно без слов
так сказать о любви и о доме,
чтоб семь радуг обняли
Россию – от края до края?

Чтобы вышли мы к ним –
из палаток, из тени дубравной,
из поруганных вер
и обманом отобранных родин...
Если б слышал Кавказ,
как кричат его мальчишкам: «Браво!»
с берегов Уссури,
дети разных эпох и народов!

Если б видели те,
кто их судьбы заочно решает,
матерям сыновей
возвращая в свинцовом «конверте»,
как лезгинку на «бис»
вызывает народ –
Вы – 3Ы – ВА – ЕТ!!! –

словно это вопрос
для России всей жизни и смерти...

Мы во многом ошиблись...

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток

Мы солдатами были
И были студентами,
Мы рабочими были
В гремящих цехах.
Мы найдём, что сказать,
И не с вашими аргументами
Нас заставить покаяться
В чьих-то, не наших,
Грехах.

Мы огни зажигали
На дальних российских
Окраинах,
Доплывали
До самых далёких от нас
Берегов.
Да, немало
Случалось у нас
Доморощенных каинов,
Да, мы долго учились
Друзей отличать от врагов.

Мы суровой стране
С детства клятву давали
О верности,
Из Москвы уезжали в тайгу
И в далёкий Певек.
В наших горьких ошибках
Вы ищете закономерности?
Оглянитесь вокруг:
Так ли счастлив сейчас
Человек?

Оглянитесь вокруг.
Вон у мусорных баков
Волнение.
Почему не поднять бы вам
Жалобный
Праведный крик?
Подойдите,
Взгляните:
С нашивкою о ранении
На холодной земле
Умирает
Бездомный старик.

Вот и Бога вы вспомнили.
Что ж, посмотрите на паперти.
Почему же ваш голос
В волнении не задрожит?
Вон слепая старуха,

А рядом,
На старенькой скатерти, –
Кучка мелких монет –
Ваша милостыня
Лежит.

Да,
Свобода сейчас.
Вон свободно торгует
Телом
Чья-то дочь и сестра,
Разодетая в пух и прах.
И свободно стучат каблочки
На асфальте заледенелом,
А в красивых глазах
С поволокой –
Тоска и страх.

Вон –
С пустым рукавом,
Комиссованный подчистую
Из далёкой Чечни
Возвратился
Пехотный майор.
Чью свободу он там защищал,
Этот выброшенный
На мостовую?
Не советую вам
О свободе
С ним сейчас
Заводить
Разговор.

Снова армия наша
Рабоче-крестьянской стала:
В ней не числятся дети
Финансовых воротил.
Не вопьются им в грудь
Струи огненного металла,
Рвать тела их не будет
Динамит и тротил.

Но не только взрывчаткой
Из тел вынимают душу –
По центральному радио
Песня блатная звучит.
Рассуждаете вы:
Можно слушать. А можно
Не слушать...
Только это уже пострашнее,
Чем динамит.

Продналог возвратился –
ЧеКа собирает налоги.
От границы
В гробах
Нам привозят тела сыновей.
И опять у крестьян
Продразвёрстка стоит
На пороге,
Только вы ей название дайте
Чуть-чуть поновей.

Каждый день на экранах
О прошлых грехах разговоры,
Все отвыкли от правды,
От добрых вестей.
И из угольных шахт
Не идут на поверхность
Шахтёры,
Чтоб не видеть
Голодные взгляды
Детей.

Мы во многом ошиблись,
Но с лапотною Россией
Мы сумели пробиться
В космический век.
Это сделали мы,
Мы не ждали Мессию.
Это сделал простой
Трудовой человек!

1998 г.

Шоферская дорожная

Ещё далеко не порог,
Не выпита чаша до дна.
Тоска бесконечных дорог
За триплексом мутным видна.

Вокруг – перевозданная тишь.
И сердцу нетрудно понять,
Как ты на дорогу глядишь
Глазами моими опять.

Вернусь я – седой пилигрим,
Скажу: «Без тебя, как в аду!»
И к нежным ладоням твоим
Небритой щекой припаду.

И ты улыбнёшься в ответ.
И сердце сожмёт, как в тисках.
Как пепел моих сигарет,
Лежит седина на висках.

По-разному о разном

Вера САЧЕНКО,
с. Чугуевка

По мотивам сказки

Л.И. Качанюк

Январь волоокий делится
Сугробов жёлтым молозивом.
– Тепло ли тебе, красна девица?
– Ещё б не тепло, Морозушко!

Тепло-о! Не гляди участливо.
Сухую не тронь валежину.
Когда ещё буду счастлива
Средь ёлок таких заснеженных?

Среди снегурей малиновых
Когда ещё буду птицею?
И ночь не по-женски длинная
Когда мне ещё приснится?

– Тепло ли? Не хватит смелую
Холодом жгучим радовать?
– Тепло-о-о! А что щёки белые,
Под снегом кому разглядывать?

Вечное сожаление

Золотая ночь.
И луна точь-в-точь,
Как покинутая жена.
Мне не верит сын
И не верит дочь,
Что в дупле звезды
Живёт тишина.

Трав лесных сатин,
Пять локтей, аршин...
А у насыпи растёт черемша.
Мне не верит дочь
И не верит сын,
Что у ландыша бывает душа.

Пожалуйста

Да что же мы делим?
Гремучее слово?
Мякину судьбы
И поступков полу?
Быть может, делёж
И взаправду хорош,
Да с нашей делёжки
Осыпалась рожь.
Да что ж мы не видим
Единой дороги?
По тропам бредём,

Куда выведут ноги.

А ноги разумны
Бывают едва ли...
И мы одиноки
И вблизи, и вдали.

Утро

Неразгаданный есть туман –
Точно лермонтовская Тамань,
Сна и яви слагает пазлы.
Соловья живого гортань
Нежно смазана лунным маслом.
Так звучит, что сердце погасло.
Скоро рань.

Море

Тяжёлых волн отдохновенье
Не наступает никогда.
Нерасторжимые их звенья
Бряцают. Стылая вода
Пловцов и корабли приемлет,
Но милость солоня её,
За то, что, обожая землю,
Твердят воде: моё, моё.
Не зря же чайка так кричала
Вчера дождливым серым днём
В предчувствии большого шквала,
Летя в тоске за кораблём.

Деревне

Мы давно с деревенской судьбою
в расчёте.
И проклятья чисты,
и молитвы просты.
У крылечка избы –
синеглазый колодец,
Водопадом – выюнки,
разнотравьем – кусты.
А бывает, глаза
заслезятся от дыма,
Ну а, может, густеющий дым
ни при чём.
Падший ангел деревни
без всякого грима
По распухшей земле ходит
чёрным грачом.

Н. Гумилёву

Дух зимы, отдай его.
Никого.
Бьёт в бубен зимы
петербургская ночь.
Шаманка! Стихи камлает!
Стихи по насту несутся прочь
Горячей стаей.

Львы худосочные бледных дворцов
С поэтом метель сличают.
Спрячь в ворот снежинок
любовь и лицо,
Их приручая.

У-у! Над оленьей дохой голова
Льёт проказу,
Будто полярная крутит сова
Круглым глазом.

Ветра собачьего тягостный вой
Бьётся юколой стылой.
Ночь камлает над мёртвой Невой,
Над пустой могилой.

Дух зимы, отдай его.
Никого.

Воздушный змей

– Мальчик, опасно на небо глядеть
Глазами влажными.
Чешуя сверкает, как злая медь,
Змея бумажного.
– Он летит, мама!
– Мальчик, собьёт он детство
хвостом
Гибким, свистящим.
Знаешь, что будет
с тобою потом?
– Он настоящий! Он летит, мама!

Рисунок неизвестного автора

За кем идти?

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток

Главы из будущей книги о Днях славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке в 2010 году

Обитала когда-то в мире физики и физиков, была в стороне от современного литературного процесса и знать не зала ни «красных», ни «белых» в нём... Открывала тайны этого процесса постепенно, придя однажды в литературную студию «Паруса» Морского государственного университета, которую возглавлял всё тот же Тыцких. Соответственно первый круг узанных имён начинается с него: Тыцких, Кабанков, Протасов, Кулешов, Якунина, Шепета, Лапузин, Морозов, Красуля, Берестова, Шепчугов... Затем ещё и ещё..., знакомству со многими была очень рада, а кого-то просто оставила в стороне – не мои или, на мой взгляд, попали в этот ряд по какому-то недоразумению. Каждого изучала самостоятельно, по их книжкам. Кто же лучше расскажет об авторе? Собственно, не авторы меня интересовали, а их творчество. Личность пишущего – это уже вопрос второй. Автор и его творчество живут самостоятельными жизнями. И если этот самый автор подарил мне строки, которые тронули, – спасибо ему огромное и долгих лет творчества со всеми сопутствующими обстоятельствами. Да простятся ему некоторые человеческие слабости. Заметила, что похожим образом реагируют на писательские труды и другие люди, далёкие от литературной кухни. Но если только человек из той самой кухни – тут и начинается... Иногда думаю: зачем оказалась посвящена жизнью в этот, как выясняется, безумный-безумный пишущий мир?..

Одни в красивых голубых залах заявляют, что культура – это всё, и поэтому их матерщинные стихи являют неперемный факт той самой культуры.

Другие выпускают альманахи, подобные «Живому облаку», в которых красуются тексты сродни этому:

*Нынче бросила я в печь
Твой провожальный букет.
Небес дождевая течь
Со мною грустит о тебе...*

Или такие «шедевры»:

*...Вся хворь моя с водой уйди
В далёкий дальний путь.
Только здоровье приходи –
Ведь в этой жизни суть.*

В конце номера редактор «альманаха-чудища», член Союза российских писателей, обращается к своим задурённым в их талантливости авторам (они же единственные читатели), заявляя, что этот поистине «народный альманах» растит таланты. «Они – растут! Растут! Растут как грибы. И каждый так выделяется, что его тут же замечаешь». Ещё бы не заметить! Заметишь – и побежишь как можно дальше, лишь бы никогда такое больше не встретить. Обмануть простодушных авторов за их собственные деньги, да так, чтобы тебе за это сказали спасибо – надо, конечно, иметь особое дарование... Доверчивых людей, наверняка талантливых в чём-то другом, искренне жаль.

А это строка из книжки члена Союза писателей России:

...Я по улице шагаю многолюдской...

И сказано так для того, чтобы можно было срифмовать с названием улицы Алеутской. Такие потуги словотворчества

заметны даже простым читателям, стоящим далеко от всяких Союзов, но неплохо знающих со школьной скамьи родной русский язык.

Немудрено понять, почему я среди всего разнообразия пишущих сегодня в крае людей выбрала для изучения, примера и сотрудничества тех, кто действительно владеет Словом, и это Слово – нравственно.

Вот и автопробег... Возможно, когда-то забудется, кто стоял у его истоков. Это не страшно, если будет жить дело. Я уверена, Владимир Тыцких думает так же. Говорю так, потому что за несколько лет знакомства видела этого человека в самых разных ситуациях.

Незадолго до седьмого автопробега, сидя в своём маленьком кабинете, населённом ещё двумя сотрудниками и множеством коробок с книгами, Владимир Михайлович как-то грустно произнёс: «Это не правильно, если автопробег будет держаться на инициативе одного стареющего писателя...» А я подумала, что он затеял четыре маршрута отчасти затем, чтобы увеличить шанс выживания его идеи без него, а также подготовить и проверить в деле других людей. Именно после этих слов приняла решение, что соглашусь на самостоятельный маршрут, хотя знала, каких усилий это потребует от меня. Очень хотелось, чтобы всё прошло хорошо, хотя считала, что успех прошлогодних и более ранних встреч держался на личном обаянии, таланте и внутренней силе этого человека. Постепенно поняла: главное – идея, с которой мы идём к людям. Умение говорить и заряжать чувствами зал приходит само, неизвестно откуда, когда глаза встречаются с глазами и на лицах появляются улыбки, слёзы, печаль и радость... А потом эмоции оборачиваются словами благодарности, объятиями и пожеланиями новых встреч. После этого выходишь из зала с умноженной силой и верой, что делаешь самое нужное на свете дело.

В подтверждение своих мыслей о святости дела приведу слова журналиста и поэтессы из города Уссурийска Татьяны Овчинниковой, высказанные ею в послепробежных раздумьях. «Часто думаю, а если бы не Тыцких и его команда, а кто-то другой пришел в наш город с такими же идеями, пошла бы им помочь? Думаю, да! Только если бы эти люди обладали такими же человеческими качествами. Еще задолго до праздника появилось какое-то непонятное ощущение. Казалось, вздохни глубже – и что-то светлое, чистое вольется в тебя. Встречаясь со знакомыми, я спрашивала: «Вы чувствуете, что-то происходит?». От меня или шарахались, или сочувственно заглядывали в глаза. Не помешалась ли? Потом, во время мероприятий, многие задавали мне тот же самый вопрос. И мы, встретившись глазами, вначале смеялись, как умалишенные, потом плакали. Впервые за много – много лет слезами, приносящими облегчение и радость».

Татьяна Овчинникова ещё не знает, что сама обладает теми самыми качествами, потому что за ней после совсем недолгого, но стоического общения потянулись люди, проснулись, пришли на встречи и ждут нас снова. Некоторые, будучи не в силах ждать целый год, просят встреч по окончании лета. Встречи непременно состоятся. Я уже вижу всех нас на заседа-

нии литературной студии в здании Географического общества за огромным историческим столом, который помнит Ф.Ф. Буссе, В.К. Арсеньева, Н.П. Пржевальского, А.П.Чехова и многих других. Стол покрыт очень красивым зелёным сукном, а на широких стареньких полках молчаливо хранят историю толстые, оберегаемые необыкновенными людьми книги. Маленькое помещение, где раз в месяц бывает так хорошо всем нам!

Что же касается человеческих качеств тех, кто был со мной рядом эти две незабываемые недели, то я полностью разделяю эмоции Татьяны. Но, наверное, и не может быть по-другому. Хорошее дело – под силу хорошим людям. А таких, поверьте, – немало!

Но не всё так гладко бывает между пробегами...

Во время работы над очередной главой попал мне в руки один материал, который вполне можно было бы обойти стороной, если бы в нём не затрагивалась... предшественница этой книги. Речь идёт о пробежной книге Татьяны Каширской «Мир нашему слову». На пяти страницах «Литературного Владивостока» совершенно безудержный автор грубо и зло (женщина ли он?) «поливает» фактически всех нас, кто посмел сказать доброе слово в адрес Владимира Тыцких и его замечательных дел. Здесь же предъявляются претензии к газете «Арсеньевские вести» за народную любовь к Тыцких, Протасову и Кабанкову, а также к юбилейной книге Тыцких «От всего сердца».

Понимая, откуда «растут ноги» у публикации, подвергну нападки простому и холодному математическому анализу, а также, опережая события, заявлю: мы скажем ещё много добрых слов всем тем, кто этого заслуживает... Написание сих строк происходит в здравом уме, по доброй воле, и даже если Тыцких будет возражать – я всё равно сохраню этот текст в книжке. Книжка-то – моя.

Итак, цитата: «...что же написано в этой книге-памятнике издателю, вдохновителю, организатору и руководителю этого уникального проекта? А написано в основном о нём любимом, о Тыцких. Да как написано – песня и монумент одновременно!»

«Владимир Михайлович говорит, как пишет. Впрочем, нет, и говорит он по-особому: низкий красивый голос, глаза, которые не умеют врать... Беседа просто завораживает» (стр.68).

Каково, а? «Просто завораживает!» Заворожённая бесконечным повторением «Тыцких», «Тыцких», «Тыцких», я начала было считать, сколько же раз здесь напечатано это сладкое слово...

А какие оценки, какие характеристики! О – о – о !!! «Морской офицер, поэт, писатель». «Директор департамента информации и печати морского университета»...

Бывает трудно удержаться от смеха, когда иной раздувает свою гордыню, как лягушка на болоте раздувает свой пузырь».

А теперь прокомментируем. Во-первых, автор забыл сказать, что книгу пишет не Тыцких, а Татьяна Каширская, которая имеет право писать так, как думает и чувствует, и что, кроме неё, в этой книге говорит множество других людей, и тоже в соответствии со своей душой и совестью. Вот эти авторы: Вера Саченко, Олег Матвеев, Анатолий Кухаренко, Ольга Самускевич, Эльвира Кочеткова, Сергей Юдинцев и А.В. Смирнов (на тот момент и.о. начальника управления внутренней политики Приморского края).

Во-вторых, дважды, без пояснений принадлежности слов следующему человеку, цитируется мой текст, посвящённый Тыцких, который из 150 страниц книги занимает всего 20 строчек (!) и написан по итогам моего первичного участия в пробе-

ге, т. е. исключительно как свежий взгляд постороннего человека. При этом можно было бы ещё сказать, что я «пою гимн» писателю Сергею Барабашу, барду Виктору Костину, журналисту Сергею Юдинцеву, а больше всех при этом досталось фотохудожнику Владимиру Листровому. Из последнего факта тоже можно было бы угледеть некий волнующий материал, коль творческое «безрыбье» наступило...

В-третьих, в приступе ярости автор забыл, что к изданию книги причастно большое число людей, многие из которых известны и уважаемы даже за пределами нашего края. Вот эти фамилии: А.П. Гельбах, Г.П. Якунина, Ю.Н. Кабанков, В.Е. Кулешов, В.В. Протасов.

В-четвёртых, кроме двадцати строчек о Тыцких, книга на 150 страницах рассказывает о следующих людях: ректоре МГУ Сергее Огае, о начальнике отдела культуры Спасского района Нине Владимировне Щербак, об учёных спасского Зоологического центра – семье Юдиных, об отце Андрее из Владивостока, о художнике Джоне Кудрявцеве, о проректоре МГУ Владимире Гаманове, о работниках библиотеки Ханкайского района имени Полины Осипенко, о солдатах воинской части № 3411, о ветеране Великой Отечественной войны Дмитриеве Карпе Семёновиче, о талантах села Самарка и, конечно, о многих других людях – всех ведь не перечислишь.

Наконец, о себе любимой: *«Да как написано – песня и монумент одновременно!»* – такого сильного воздействия и столь высокой оценки своих нескольких прозаических строчек совершенно не ожидала. Поэтому – горжусь.

Теперь ещё цитата: *«Давайте, дорогой читатель, вместе с вами полистаем т.с. виртуально страницы с фотографиями. Ну очень же интересно!»*

Вот Тыцких на корточках среди детей. Вот Тыцких на ступеньках профтехучилища. Вот Тыцких у памятника Дерсу Узала. Вот Тыцких в группе на фоне сарая... Вот Тыцких на переднем плане группы – характерная поза «корточки». Вот Тыцких с Г. Николайчук и другими женщинами Уссурийска...»

Хочется для начала спросить: почему виртуально? Ведь страницы-то реальные! А что, собственно, не нравится на фотографиях? Что Тыцких на корточках? Можно догадаться – чтобы не загораживать стоящего сзади. Тыцких то сидит, то стоит... Так ведь всего-то вариантов: лежать, сидеть или стоять. Может, то, что с женщинами? А порой на встречах, как во всей России, – на них, милых, всё и держится... На фоне сарая... Вам так понравилось это слово? А когда едешь по глубинке – порой одни сараи и стоят. Вы не знали? Теперь немного математики: на 117 снимках фототетрады Тыцких впервые появляется мелким планом на 43-м, где, кроме него, стоят и сидят ещё 26 человек. Потом Тыцких встречается на 21 снимке, которые в большинстве своём являются групповыми. Из 25 портретных снимков Тыцких не присутствует ни на одном.

Так почему же автор статьи увидел книгу так сильно по-своему? Ведь фактически текст пяти страниц сводит сам себя к короткому резюме: «Как нам надоел этот Тыцких, который так много успевает сделать и написать, и его за это любят, любят и любят. А нас не любят...» Я так вас понимаю, дорогой автор. Это вечная проблема человечества. Все наши беды от недолюбленности. Но, поверьте, у великодушного русского народа любви хватит на всех, если будет, за что любить...

Возмущения же тем, что Тыцких поэт, организатор, вдохновитель, руководитель, морской офицер, директор департамента... выглядят просто смешно, потому что всё перечисленное – есть известные всем факты его биографии. Невольно просится образ: ну разве можно злиться на скалу за то, что она твёрдая? Смиритесь. И осознайте: прежде чем стать скалой – надо выдержать пресс невероятной силы...

А теперь моё, без приглаживания ради особо ранимых, личное отношение к Тыцких. Если коротко и метафорично – это

«глыба». А если понятнее – явление, в котором сошлись писательский талант, сила духа, дар организатора и огромное человеческое обаяние, способное любую аудиторию сделать своей. Видела это сама. Но разве нам, его соотечественникам и современникам, как-то может быть от этого плохо? Ведь говорит он на встречах о нас с вами, какие мы все достойные лучшей доли, а о себе, поверьте, порой сказать толком не успевает и из множества сделанных фотографий просит себя вырезать... и очень трудно, последний, верит в то, что недавний друг перестал быть таковым...

Что касается юбилейной книги Владимира Тыцких «От всего сердца», то она отличается от всех существующих на свете книг! Половина книги посвящена любимым людям, с которыми свела его жизнь, а другая половина рассказывает о том, что каждый сумеет увидеть, поскольку представляет собой собрание автографов, подаренных автору вместе с книгами. Сам автор в этой части не говорит ни слова, соединив таким эксклюзивным образом под одной обложкой два встречных сердечных потока: от него к людям и от людей к нему. Автор же «Литературного Владивостока» опять увидел книгу по-своему: «Я не специалист в области психиатрии, но думаю, рассматривать такое издание можно как диагноз. Книга кроме самохвальных личных фотографий из домашнего альбома состоит в основном из подписей, надписей, автографов, хвалебных характеристик, собранных автором за десятилетия.»

Но, послушайте, когда нормальные люди видят на улице одного ненормального, разве они показывают на него пальцем? Они просто проходят мимо...

Ведь самое простое – не читайте книгу, которая вам не нравится...

Кстати, в этой статейке есть замечательный совет: «Надо полагать, В.М. Тыцких не все свои творческие возможности исчерпал. Интересно, какой следующий «бестселлер» нашего «Великого» и «Блестящего» будет издан в МГУ по программе «Народная книга»? Наверное, книга поздравлений Владимиру Михайловичу по случаю его дней рождений, праздников и т. д. А может, книга адресованных ему записок, открыток, писем горячих поклонниц его исключительно таланта?» Знаю, что на данный момент друзья Владимира Михайловича готовят библиографическую книгу, не успевшую к его шестидесятилетию. Надо обязательно напомнить им, чтобы не забыли включить несколько эксклюзивных поздравлений, например, от Министерства культуры и Председателя Совета Федерации России Сергея Михайловича Миронова...

Книгу же «От всего сердца», вышедшую тиражом всего 100 экземпляров, советуем издать повторно, добавив в неё новые автографы, которые, я знаю, появились.

И ещё несколько слов об этом номере «Литературного Владивостока». В целом номер можно было бы считать удачным и интересным, если бы не последние страницы злобы и ненависти да б пропущенных в середине (после 238 страницы почему-то сразу следует 245)... А вот стихи Галины Якуниной, Светланы Плахутиной, Веры Караман, Елены Обойминой и Татьяны Прудкогляд мне очень понравились. Буду с радостью следить за творчеством этих авторов.

Василию Ларису (если такой существует), отметившемуся в журнале с пародией, хочется сказать, что жанр пародии – умный и тонкий и не имеет ничего общего с оскорблением. В качестве поучительного примера хочется привести замечательную пародию одного из участников седьмого автопробега – ироничного Евгения Антипина, написанную сразу на несколько стихотворных текстов, сотворённых или «пригретых» главным редактором «Литературного Владивостока».

ДВА ГЕНИЯ В ОДНОМ МЕСТЕ

.....

Я по улице шагаю многолюдской.
– Вы не знаете ли, – спрашиваю тут, –
Алеуты не живут на Алеутской?
А тунгусы на Тунгусской не живут?

Отвечает мне девчушка в юбке узкой:
– Что ты, дядька, пристаёшь, как баламут,
Алеуты не живут на Алеутской,
И тунгусы на Тунгусской не живут!

.....
Я присяду на скамейке институтской,
Жаль, не время поступать мне в институт –
Алеуты не живут на Алеутской,
И тунгусы на Тунгусской не живут.

.....

...Он всем ветрам, всем странствиям открытый.
Здесь мореходы смелые живут,
Здесь владивостокчанки –
Афродиты! –
Божественно по улицам идут.

.....

Для творческого взлёта пара крыл
Есть у меня в их надлежащем виде.
Господь меня талантом не обидел,
И мне владыка крестик подарил.

Борис Васильевич Лапузин
Из стихотворений разных лет

ПОСТИЖЕНИЕ БОЖЕСТВА

Б. Лапузин

Название книги избранного

...Ко мне хула не прилипает –
Я прав, как всякий аксакал!
В Лениногорске, в Лиенае –
Везде отечество искал.

Лишь здесь вцепился в хвост
фортуны,
Не отцепить меня никак.
Умею я казаться умным,
Признай попробуй, что – дурак...

Василий Ларис.

Из пародии на стихи В. Тыцких
«Литературный Владивосток»,
главный редактор Б. Лапузин.

Как по улице пройдуся по многолюдской,
От витринных отражений сердце мрёт!
Здесь едва ли алеуты попадутся,
Нет тунгусов, и наанаец не живёт.

Но встают из пены владивостокчанки,
И идут ко мне, хоть я их не прошу,
Не французки, не немчанки, не англянки,
А любители того, что я пишу.

Рядом с ними Афродиты в узких юбках
При букетах мной любимых хризантем
И с такой мечтой в глазах, с улыбкой в губках –
Даже кажется, что юбок нет совсем.

*И, себе сваявший памятник досрочно,
При медалях, здесь гулял бы день за днём,
Разъединственный поэт дальневосточный –
Я с Лари`сом или Ла`рисом вдвоём.*

*Он Василий, как мой папа, он же Ла`рис,
А поскольку я Борис, то он Лари`с.
Мы всю жизнь быть гениальными старались,
Правда, он, не мне в пример, чуть-чуть нарцисс.*

*Да беда: по дням и чётским и нечётским,
Разрешенья у начальства не спросив,
Сам Тыцких, мешая гражданам почётским,
Нашей улицей идёт, как на прорыв.*

*Он, приезжий, по моей земле шагает
И, давно моё постигший божество,
Сделал вид, что он меня в упор не знает
И про Ла`рису не знает моего!*

*Бездарь, самозванец, как не стыдно!
Уж на части нас с Лари`сом зло дерёт:
Вроде нас ему совсем не видно –
А должно быть всё наоборот!*

*Было бы ему запомнить кстати,
Что Господь вручил мне пару крыл,
Я на них взлетел, и в результате
Мне сам владыка крестик подарил!*

*Сколько их на свете, бестолковых,
Талант ещё не оценивших мой?!
Шепета... Протасов с Кабанковым...
Эх, вернуть бы год тридцать седьмой...*

Евгений АНТИПИН

Напоследок приведу слова литературного критика и журналиста рубежа 19 – 20 веков С.Г. Шаумяна: «Литература – это храм, куда можно войти лишь с чистой совестью и благородными стремлениями. Когда же люди подходят к этому храму с мелкими и честолюбивыми стремлениями, корыстолюбивыми целями и со склонностью ко лжи – это величайшее преступление, совершаемое против народа».

Ложь, клевета, порождаемые неприятием талантливого человека в обществе, особенно среди коллег, – давнее порождение человечества. Литературное сообщество – не исключение. Вспомните Лермонтова: «зависть ли тайная, злоба ль открытая» или «... друзей клевета ядовитая»; у Павла Васильева: «Скажи, куда нам удалиться от гнили, что ползёт, дрожа, от хитрого её ножа...» Эту проблему не решить никакими правилами постановлений, ни при каком сколь угодно справедливом устройстве общества. Только большая духовная работа над собой поможет нам избавиться от нелюбви друг к другу. Эта духовная работа и есть основа Культуры. Согласно бердяевскому философскому наполнению этого понятия, «всякая Культура (даже материальная Культура) есть Культура духа, всякая Культура имеет духовную основу — она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями». А один из узких смыслов слова Культура – норма поведения, которая формируется на основе образования, воспитания, моральных, нравственных и этических норм.

Культурен ли человек, объявляющий публично психически ненормальным, в нарушение всяких этических норм, известного, признанного довольно широко писателя за то, что с его именем связано много добрых, культурно значимых дел и сотнями людей сказаны замечательные слова признания в его адрес?

Я желаю нам всем удачи в борьбе с самой страшной природной стихией, бушующей внутри человека, – завистью, парализующей разум...

Дмитрий КЕДРИН

Кофейня

(1936)

*...Имеющий в кармане мускус
не кричит об этом на улицах.
Запах мускуса говорит за него.*
Саади

*У поэтов есть такой обычай –
В круг сойдясь, оплевывать друг друга.
Магомет, в Омара пальцем тыча,
Лил ушатом на беднягу ругань.*

*Он в сердцах порвал на нем сорочку
И визжал в лицо, от злобы пьяный:
«Ты украл пятнадцатую строчку,
Низкий вор, из моего "Дивана"!*

*За твоими подлыми следами
Кто пойдёт из думающих здраво?»
Старики кивали головами,
Молодые говорили: «Браво!»*

*А Омар плевал в него с порога
И шипел: «Презренная бездарность!
Да минёт тебя любовь пророка
Или падишаха благодарность!*

*Ты бесплоден! Ты молчишь годами!
Быть певцом ты не имеешь права!
Старики кивали бородами,
Молодые говорили: «Браво!»*

*Только некто пил свой кофе молча,
А потом сказал: «Аллаха ради!
Для чего пролито столько жёлчи?»
Это был блистательный Саади.*

*И минуло время. Их обоих
Завалил холодный снег забвенья.
Стал Саади золотой трубой,
И Саади слушала кофейня.*

*Как ароматические травы,
Слово пахло медом и плодами,
Юноши не говорили: «Браво!»
Старцы не кивали бородами.*

*Он заморозил их песней птичьей,
Песней жаворонка в росах луга...
У поэтов есть такой обычай –
В круг сойдясь, оплевывать друг друга.*

Тихий уголок

Людмила БАДЮК,
директор музея А. Фадеева,
с. Чугуевка, Приморский край

К 50-летию создания литературного музея А. Фадеева в с. Чугуевка.

Есть много литературных уголков на территории нашей страны, тесно связанных с именами известных писателей. Ясная Поляна с именем Льва Толстого, Мелихово с именем Антона Чехова, Вешинское с именем Михаила Шолохова. Есть такое место и в нашем Приморье.

«...Лучшие дни детства и юности связаны у меня с Чугуевкой... Это село родное для меня...», – писал Александр Фадеев.

Фадеев и Чугуевка

В конце 1911 года семья фельдшеров Антонины Владимировны Фадеевой и Глеба Владиславовича Свитыча поселилась в отдаленном таежном селе и прожила здесь до 1919 года.

«В глухом селе Чугуевка, где я вырос, у подножия хребтов Сихотэ-Алиня – сердца Уссурийской области, – были отвратительные дороги, не было телеграфа и телефона, месяцами не было связи с внешним миром. Грубо и свирепо правил жизнью чугуевцев пристав, царил невероятный произвол...

Это было... село, соединенное со станцией Евгеньевкой очень дрянным, разбитым и размытым трактом. Школа была всего лишь начальная. А интеллигентов на селе было всего лишь пятеро: учитель, почтовый чиновник, лесной объездчик да моя мать – фельдшерица и мой отчим – фельдшер».

С 1912 года Саша учится в г. Владивостоке в коммерческом училище и каждый год на летние каникулы приезжает в родное село.

«Во время каникул, когда я приезжал в Чугуевку, мы часто собирались где-нибудь на сеновале и читали художественные книги.

Возьмешь, бывало, интересную книгу, уйдешь в тайгу и бродишь там по зарослям, вспугивая белок, бурундуков, а иногда вспугнешь и задремавшую в кустах козулю. Или заберешься на скалу, а то и на высокий кедр, уст-

роишься там поудобнее и углубишься в чтение книги...

А как хорошо помечтать наедине и посмотреть с высоты на окружающую природу. Однажды я забрался на вершину сопки, а там решил залезть на высокий кедр, чтобы лучше и дальше осмотреть долины и горы. На высоте этак метров в двадцать примостился на развилке ветвей – «как в кресле» – и стал обозревать дали, затянутые газовой дымкой, в которой тонули отдаленные вершины отрогов хребта Сихотэ-Алинь. Я так был очарован сказочной красотой простиравшихся во все стороны и чередовавшихся глубоких падей и крутых склонов высоких сопков, так был убаюкан каким-то особенно ласковым шумом, какой производят только вершины высоких и могучих кедров, что совершенно забыл о существовании всякого другого мира, кроме того, что был перед моим взором».

Здесь, в Чугуевке, осенью 1919 года Фадеев вступил в партизанский отряд, о котором рассказал на страницах романа «Разгром».

Сюда, в родное село, Фадеев вернулся в 1933 году уже известным писателем.

«Дня три назад я был в Чугуевке. Изложить все перемены, которые там произошли, в письме совершенно невозможно. Я испытываю к этому селу необыкновенную привязанность, и пребывание там взволновало меня чрезвычайно. Столько нового, хорошего и столько плохого! И по-прежнему страшная заброшенность и отор-

ванность от всего. Я поставил своей целью добиться от областных организаций постройки электростанции в Чугуевке, кардинального ремонта дороги от Яковлевки до Чугуевки и организации МТС в Улахинской долине».

В 1937г. по инициативе писателя в Чугуевке была построена школа – семилетка, которая с 1939 стала носить его имя.

Не имея возможности вновь приехать на Дальний Восток, писатель вел переписку с жителями Чугуевки.

В 1950 году Фадеев организывает поездку для лучших чугуевских школьников в г. Москву, присылает более 2000 книг в библиотеку школы.

Открытие памятника А. Фадееву. 1964 г.

История создания музея

А.А. Фадеева в Чугуевке

После смерти А.А. Фадеева учителя, жители села решили в знак благодарности и памяти организовать в Чугуевке музей писателя.

8 апреля 1959г. принимается решение №339 Приморского крайисполкома «О создании Дома-музея А.А.Фадеева в селе Чугуевка». Большую помощь в создании музея оказал дальневосточный писатель В.Т.Кучерявенко. Им были привезены из Москвы от семьи писателя первые экспонаты: книги Фадеева, документы, фотографии, личные вещи.

Вслед за ним откликнулись друзья – писатели Валентин Овечкин, Александр Твардовский, Константин Симонов.

4 сентября 1960 года в маленьком домике, принадлежавшем семье Фадеевых, после его реставрации был открыт литературный Дом-музей А.А. Фадеева – с небольшим количеством экспонатов и ограниченной выставочной площадью, на общественных началах. В то время остро стоял вопрос, быть или не быть литературному музею в Чугуевке.

«Да, литературный. Да, музей. И именно в тайге. Собственно, конечно, не в самой тайге. Его почтовый адрес: Чугуевка, Кооперативная, 114. Но до тайги меньше полчасу ходу. Темно-синяя, даже нет – скорее, черная, она тут же, близ окраины села, и нет-нет, а напомнит о себе цепочкой звериного следа на влажном утреннем асфальте. Нередко эта цепочка пробегает мимо домика, на фасаде которого золотом поблескивают слова: «Дом-музей А.А. Фадеева».

Решение Чугуевского райисполкома – отобрать одну штатную единицу заведующего клубом в соседнем селе, чтобы открыть музей А.А. Фадеева в Чугуевке. Курьез? Но это факт. Такое решение было принято в сентябре 1960 года. И это вовсе не от «скарденности» районных руководителей, поскупившихся на лишнюю штатную единицу. Все дело в том, что музеи селам не положены. Никакие: ни исторические, ни литературные. А чугуевцы вишь что отчебучили!

Вот по этой причине и не пришлось чугуевцам рассчитывать на помощь извне: сами задумали музей – сами и выкручивайтесь. Как? А как хотите. Найдите способ.

Чугуевцы нашли способ. Действительно, закрыли клуб в соседнем селе Нижняя Бреевка (там все равно не было для него помещения), отдали штатную единицу музею.

Два десятка экспонатов, полторы сотни книг да тетрадь отзывов, полная восторженными записями, – вот и весь музей». /Г.Халилецкий, Е.Халилецкая. Чугуевские страницы. – Красное знамя.1964 г. № 242/

Вскоре при музее был создан совет содействия, куда вошли Татьяна Фадеева – сестра писателя, Тамара Головина – друг и соратник по гражданской войне, Тамара Адельгейм – актриса, близкий друг, Тимофей Ветров-Марченко – фельдшер партизанского отряда.

В «Советской культуре» 14 апреля 1966 года появилось обращение: «Надо помочь музею Фадеева. Дом-музей открыт, но очень небольшое количество экспонатов вызывает законную тревогу. Нет, совсем другим должен быть фадеевский музей!...», – подписанное народными артис-

Открытие музея. 1981 г.

тами СССР Н.Охлопковым, С.Герасимовым, Т.Макаровой, нар.художником В.Серовым, поэтом Р.Рождественским, А.Безыменским, актрисой Т.Адельгейм.

В 1969 г. были утверждены штаты музея – заведующая, научный сотрудник и уборщица. К 70-летию со дня рождения писателя в музее появилось много новых экспонатов: личные вещи писателя, его письма, фотографии, воссоздан рабочий уголок кабинета писателя. Создана была первая экспозиция.

В эти годы сотрудники музея вели большую переписку с музеями страны, театрами, общественными организациями, школами, получали большое количество откликов, новых материалов, книг, экспонатов. В 1976 году фонд музея составил 1400 экспонатов. Количество посетителей увеличилось до 8 тысяч человек в год. Здание музея уже не вмещало собранных экспонатов и потока посетителей.

В 1980 году, готовясь к 80-летнему юбилею со дня рождения А.А. Фадеева, Приморский крайисполком принимает решение (№ 381 от 24.04.1980 г.) «О музее А.А.Фадеева в с. Чугуевка», где говорится о строительстве нового здания музея.

Всем чугуевцам памятен день 28 сентября 1981 года, когда торжественно распахнул свои двери новый литературно-мемориальный музей А.А. Фадеева.

«И вот – торжественный митинг. Сотни людей – не только из Чугуевки, но и из Хабаровска, Благовещенска, приморских городов и поселков собрались на площади перед зданием музея, чтобы стать свидетелями этого важнейшего события.

Алую ленту на входе, под громкие аплодисменты

Михаил Фадеев в музее. 1996г.

собранных, торжественно перерезали член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь Приморского крайкома КПСС В.П. Ломакин и секретарь правления Союза писателей СССР, лауреат премии А.А.Фадеева – В.М. Озеров. Музей был открыт символическим ключом, который преподнесли директору музея строители. И первая запись в книге отзывов – благодарность участников конференции: поэтов, прозаиков, критиков за интересную, очень точно составленную, богатую по материалу экспозицию». /Н.Барабаш. На земле чугуевской. – Красное знамя./

В Приморье приехала большая писательская делегация из всех уголков нашей страны. Впервые в Чугуевку приехал сын писателя Михаил Александрович Фадеев.

Он передал в дар музею охотничье ружье своего отца. От Союза писателей в фонд музея поступили: журнальный столик, принадлежавший Фадееву, коллекция книг Фадеева, изданных за рубежом, большое количество фотографий.

Представитель журнала «Юность» Александр Пьянов передал в дар музею школьные рукописные сочинения Саши Фадеева и объявил о том, что журнал берет шефство над музеем в Чугуевке. Редакция «Юности» собрала библиотечку книг с автографами авторов для нашего музея.

«Незабываемые впечатления о родном селе А.А.Фадеева остаются в сердцах всех участников памятной поездки и зовут крепить связи с далеким, но ставшим безмерно дорогим нам краем» (Виталий Озеров – секретарь Союза писателей).

«Дальний Восток, встречи с людьми Приморья, знакомство с Чугуевкой оставили неизгладимый след на сердце, вошли живительной струей в нас, и, говоря словами Александра Фадеева: «Все осталось в памяти, как слитная симфония...» (писатель Александр Шмаков, г. Челябинск).

С 1981 года Чугуевка стала местом проведения Фадеевских чтений. В 1991 году, в 90-летний юбилей писателя, у здания литературно – мемориального музея был уста-

новлен бюст писателя А.А. Фадеева (скульптор Э.В. Барсегов).

90-е гг. XX века стали для музея трудным периодом выживания.

В своем последнем интервью районной газете «Наше время» директор музея Н.И.Алексахина в сентябре 1994 года говорила: «Это лето для музея можно назвать грустным. С апреля за неоплату электроэнергии отключен свет... Сейчас нет никакой гарантии, что музей сохранит все свои помещения...»

Но музей выстоял и продолжает, как и раньше, бороться за свое существование. Здесь постоянно действуют экспозиции: «Творческий путь писателя А. Фадеева» и «Из истории Чугуевского района». В выставочном зале ежемесячно проходят новые выставки работ художников, фотографов, изделий декоративно-

прикладного творчества и другие. Литературные курсы, встречи с местными и приморскими поэтами, писателями, журналистами привлекают сюда посетителей. Уже с начала этого года чугуевцы познакомились с фотовыставкой Виктора Егорова из г. Спасска, картинами Владимира Листрового из г. Лесозаводска, с пасхальными работами местных авторов, встретились с участниками автопробега, посвященного Дням славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке, организованного Владимиром Тыцких.

Музей и время. Дела давно минувших дней – и острота текущего момента. Смена идеологии, духовных ценностей. Неоднозначно и противоречиво сегодня отношение к А.А. Фадееву, к его творчеству. Но писатель прожил яркую, насыщенную, полную глубоких и острых противоречий жизнь!

«Он был душевно щедр и скромнен, добр и отзывчив, резок и принципиален в своих суждениях... Он умел спорить и полемизировать, защищать то, что ему нравилось, и нападать на то, что было противно его натуре... За все, что он сделал для нашей советской литературы и для меня лично, я буду благодарен ему по гроб жизни». (Сергей Михалков).

Несмотря на многочисленные трудности, коллектив Государственного литературно-мемориального музея писателя А.А. Фадеева прилагает все усилия, чтобы музей оставался культурным центром села Чугуевка, местом встреч творческих людей, чтобы добрая память о нашем земляке не тускнела с годами.

«Хорошо, когда среди суеты сиюминутной, среди смятения непростых и не всегда благоприятных к простым людям поворотных моментов российской нашей действительности есть такой тихий уголок, где можно неожиданно убедиться в том, что есть ценности, невозможно которым пропасть! Спасибо музею за возможность лишней раз в этом убедиться» – из книги отзывов. (Людмила Шигорина, жительница Калужской области)

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск

Я буду Ангелом твоим

Пусть перламутром всходят сны
Пусть дни навязывают смыслы
Пусть нареченные любить
Мы в суете теряем близких
Незримо обрывая нить

Я буду Ангелом твоим –
Сиянем греющим и чистым
Я буду Ангелом твоим
Я буду Ангелом твоим
Я буду Ангелом твоим

Немая бесконечность дней
Ночей холодное упрямство
Наотмашь тишиной стучи
До растворения пространства
По хрупкой линии вдали

Я буду Ангелом твоим
Я буду тонкой тропкой света
Соединяющей миры
От расставанья до рассвета...
Я буду Ангелом твоим

Юлия БАСТАНОВА,
г. Находка

Два капитана
(песня)

Снова ветер странствий
в океан зовёт.

В дальнюю дорогу
мчится мореход.

Тот, кто с морем дружен,
Без труда поймёт,
Для чего так нужен морю мореход.

Тихий шум прибоя,
Синяя волна
Морю всё откроют,
Чем душа полна.
Мчатся мореходы

по седым морям,
Мчатся к неизвестным
Дальним островам,
Где два капитана
мореходов ждут

И в чужие страны
мальчиков зовут.

Через годы, через времена
Дружит с мореходом синяя волна
Тихий шум прибоя, синяя волна
Морю всё откроют,
чем душа полна.

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ,
г. Москва

От малого к большому.
Только так.

От инфузории к Иммануилу.
Сначала колесница, после танк.
Сперва на стрелку,
а затем в могилу.

Там, где один,
там трое через час.
Единое значительней,
чем часть.

Но я люблю подробность
мелочей,
Уютный мир обыденных вещей,
Врастанье в пустыки
и прорастанье...

Я близорук, и шляпка от гвоздя
Мне больше говорит
о мирозданье,
Чем где-то там
сверкнувшая звезда.

Алексей ВОСКОБОЙНИК,
г. Краснодар

В трамвай вошла
любовь неразделенная.
И пусть вошла. Подумаешь – беда!
Вот если бы пришла зима студеная,
Да среди лета – это было б да!

А безответная, держась за поручни,
Пусть спрячет ото всех свои глаза –
И без нее хватает людям горечи,
Так что пройди, тоскливая, назад.

И не забудь затраты
компенсировать,
Ведь каждый взгляд –
суровый контролер.
С такую миной стыдно
дефилировать,
А тут – любовь...
Для бедных разговор.

...Железный ящик, по железу звякая,
Вез не спеша кого-то и куда.
В нем на площадке задней
что-то плакало –
Наверное, жалело провода.

Владимир ЛЮКОВ,
г. Москва

Капели

Опять звенят весенние капели,
И позади все вьюги и метели.
Давным-давно на речке стаял лёд,
А в твоём сердце всё наоборот.

Над нами проплывают облака,
А мы с тобой идём в руке рука.
И нет весне, как нет любви, конца,
И песнями наполнены сердца.

Весь мир иной,
когда цветёт земля
И в синем небе крики журавля.
Немало будет дней ещё в году,
Я всё же лучше этих не найду.

Лишила сна меня весна,
Заполонила всё собою.
В мои мечты явилась ты,
Чтоб стать навек моей судьбою.

Алексей КАРЛИН,
г. Хабаровск

Двадцать свечей поставлено,
Двадцать молитв прочитано,
Веком они не прославлены –
Красным вином пропитаны.

Церковь Святая молится,
Грешник пред Богом кается,
Мирром душа омоется,
С миром к Отцу отправится.

Только не дай мне, Господи,
Жить и уйти не по совести.
Грешников нынче россыпи,
Жизнь без Тебя –
лишь горести.

Звон колокольный слышится,
Голубем белым разносится,
Как по зиме ему дышится,
Так по весне
с меня спросится.

НОВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ –

Фото 1

Здравствуй, мой читатель! Давно ли я не делилась своими впечатлениями о моих поездках, которые пока еще удастся совершать? Давно, да... Но вот мне снова есть, чем отвлечь вас от любимых рифм и строф!

Минувшим летом довелось мне на неделю подняться с цветных и жарких равнин в горы. В самые настоящие горы, о которых так пронзительно пел В. Высоцкий. Кавказ. О! Сколько самых разных мыслей проносится в голове при упоминании этого слова, не правда ли? Но я отныне буду вспоминать Эльбрус и Чегет. Эти горы особенно популярны зимой не только у россиян, но и иностранцев тем, что являются отличным местом для горнолыжного спорта. Расположено все это великолепии в Кабардино-Балкарии, в Баксанском ущелье. Две эти вершины поразительно отличаются друг от друга, но определить это можно, лишь поднявшись на каждую.

Нет-нет, читатель, не думайте, что я альпинистка! Здесь предусмотрены для подъема канатно-кресельные дороги. Первым будет показан приезжающим ледник, спускающийся со склона горы Чегет (фото 1). Местные жители называют его крокодильчиком. Посмотрите же, и на самом деле можно найти сходство с этим животным! Ледник летом покрывается опаснейшими трещинами, а зимой их заполняет снег, который действует, как цементный раствор. А противоположный леднику склон Чегета – удивительные альпийские луга с зарослями чабреца, можжевельника, рододендрона. Поднимает на вершину аккуратная французская канатная дорога. Здесь зимой и катаются отчаянные лыжники-экстремалы, потому что эта гора имеет очень опасные спуски. Впрочем, горы всегда опасны то случайным камнем, несущимся со скалы летом, то губительными лавинами зимой.

«Эльбрус-красавец смотрит сквозь тучи...», – слов из детской песенки полностью не помню, но именно они, словно дата на фотокадре, присутствовали в моей голове все время, пока я находилась в Приэльбрусье. Но это – когда находишься у подножия. Я осмелилась подняться (напоминаю, что здесь подъем для непрофессионалов предусмотрен с помощью технических средств) до станции «Мир», что расположена на высоте 3 500 метров (высота до вершины – 5 642 метра).

Альпинисты утверждают, что далее неподготовленному человеку лучше не подниматься. Но мне и не хотелось дальше, уж поверьте мне, читатель! Мрачный и холодный, валуны из застывшей вулканической лавы, рыжеватый снег (фото 2)... И тишина! Такая тишина, что чувствуешь нервное сердце где-то в горле, особенно когда замечаешь на скалах местами таблички с именами погибших покорителей Эльбруса... Да, много погибло здесь и тех, кто стремился к вершине, и тех, кто спасал стремившихся.

Местный поэт (на его творческом вечере я побывала) В.Л. Белиловский сказал:

Фото 2

ПРИЯТНОЕ УДИВЛЕНИЕ!

Настя КАПУСТИНА, г. Уссурийск

«Горы любят те, чья душа им по росту». Для себя я, смеясь, отметила, что моей душе возвыситься до гор мешают... особенности организма, поэтому с радостью спустилась к побережью Черного моря и провела там еще восемь дней. Ах, как же это море не похоже на наше, Японское! Глядя на него, я в который раз отметила, что ткань цвета морской волны вот такая, – бирюзовая.

В районе города Туапсе есть поселок под названием Небуг. Сюда привозят туристов или они сами приезжают, чтобы посетить местный аквапарк и расположенный рядом дельфинарий. Вот о втором месте и расскажу дальше. Водитель, привозивший нас, оказался общительным, очень вежливым человеком. Рассказ водителя заинтриговал меня: оказывается, на представлении дельфины рисуют картину, которую посетителям предлагается купить через аукцион. Цены за этот

сезон называл, прямо скажу, запредельные: две – три тысячи рублей. Однако это все обещало большую зрелищность, и я, ощущая себя ребенком, нетерпеливо ждала начала.

Музыка, круглый бассейн, задорная ведущая – все приводило меня в восторг, которого я уже давно не ощущала. Вдруг со дна бассейна появился дрессировщик, вынырнув на спинах двух черноморских дельфинов! Буквально открыв рот я сидела и хлопала в ладоши. Были там и морская львица, и тюлень, и дальневосточные белухи.

И вот дрессировщик берет кисти и краску. Начался номер с рисованием белухами картины (фото 3). Желтый цвет – это южное солнце, к нему добавили немного радости – красный цвет, а потом синий, самый любимый дельфиний. Вот, оказывается, что за творение будет продано сейчас на аукционе (фото 4)! Ведущая назвала стартовую цену – пятьдесят рублей. Кто-то тут же выкрикнул цифру сто. Далее была цена сто пятьдесят рублей, и после двухсот ведущая начала вести финальный отсчет: «Двести рублей – раз, двести рублей – два, двести рублей...» И тут кого-то безудержный азарт вынуждает выкрикнуть, даже подпрыгнув с места: «Триста!!!». Голос ведущей: «Триста рублей – раз, триста рублей – два, триста рублей... три! Продано!» И кто же это, кто покупатель?! Это я, мой читатель, я. Та, которая пишет сейчас эти строки, купила дельфинью картину всего-то за триста рублей. Я испытала одновременно и удивление от дешевизны (в сравнении с услышанными ценами на ранее проданные картины), и шоковую радость от покупки (ведь у меня было предчувствие, что ожидается что-то чудесное!).

Я думаю, читатель, и у вас бывали такие случаи, когда обычные для кого-то события доставляли именно вам такой потрясающий возврат в детство. Это словно прыжок на батуте, словно съезжать резко вниз с горы, словно на спину, нагретую солнцем, плескнуться холодной воды, это... это просто УДИВИТЕЛЬНО!

Фото 3

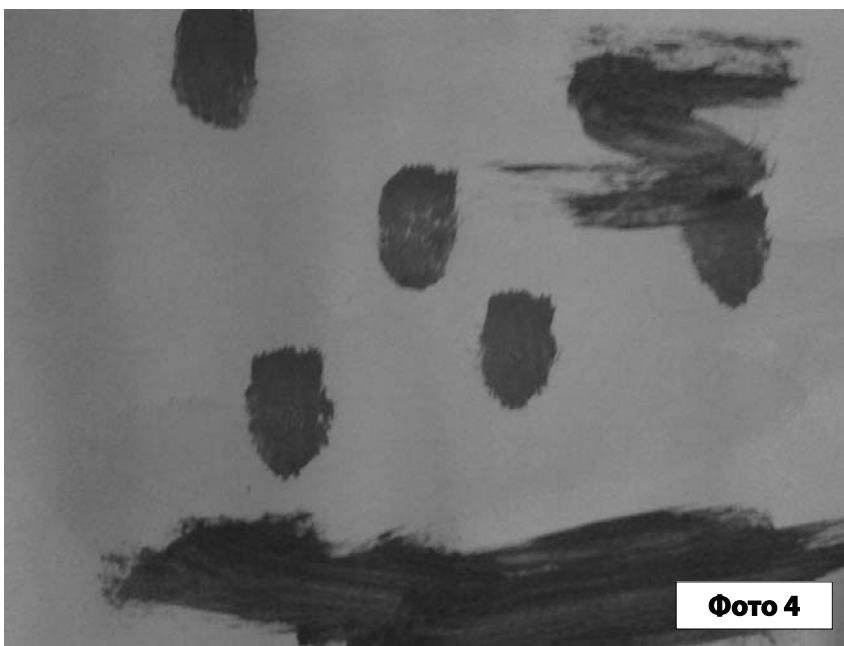

Фото 4

Спасибо за подаренную вами столь необходимую мне радость встречи с хорошими людьми на страницах «Литературного меридиана». Радуюсь стихам, прозе: они все замечательные, душевные. Поклонилась давно любимому мной **Михаилу Ивановичу Ножкину**, увидев его фамилию среди авторов. А **Светлана Шкляева** всесторонне талантлива: и дивные стихи, и сказочные иллюстрации к ним.

Я тоже осмелюсь выслать вам несколько своих творений. Я их называю «беседами со своей душой».

Светлана Тимиргалиева,
г. Москва

Получив очередной номер, на одном дыхании «проглотила» и прозу, и стихи, отодвинув дела на даче... Никогда не слышала о **Павле Васильеве**. Это действительно гений: что ни строчка, то афоризм, замечательные стихи. А какой красавец на фотографии. Да, надо, чтобы мы, дети наши знали о таких талантливых людях, чтобы память о них сохранялась в названиях улиц, площадей, библиотек. Спасибо **Эльвире Кочетковой** за знакомство с Павлом Васильевым.

С большим интересом прочитала о **Василии Шукшине**, «О деньгах для Марии», «Победные мила Владимира Кирияки», «За скользкою наледью входа», «Сердцем прикоснись к подвигу» – авторы их вам известны.

Понравились стихи **Николая Зиновьева** «У карты бывшего Союза», стихи **Валерия Кулешова** «Больней не ведал бед», «Идёт ли дождь» **Александра Егорова**, «Сегодня и завтра» **Виктора Дебелова**.

С удовольствием читаю стихи **Софьи Иосилевич**, **Веры Гундаревой**, **Нины Исаковой**, **Светланы Шкляевой**.

Мария Калинина,
г. Рошаль, Московская область

Газету уважаю, читаю хоть и урывками, но с удовольствием. И, кстати, хочу выразить своё восхищение стихотворением **В. Тыцких** «Улыбнись мне утром ранним».

Читая стихи **Николая Зиновьева**, особенно «Эх, подкачу-ка я штанины» (вообще-то у него все стихи замечательные), удивлялась его оригинальности, неповторимости.

И стихотворение **В. Дебелова** (г. Арсеньев) «Анахорет» – ну просто здорово!

Хочу добавить, что в «ЛитМ» № 3 мне очень понравились стихи **Василины Орловой** из Москвы, **Ильи Цейтлина** из Чикаго, особенно «Богатство» и «Пустой трамвай», стихи **Татьяны Кухты** из Санкт-Петербурга.

Очень хорошие стихи у **Валентина Курбатова** – смысловые, глубокие, прочитала с удовольствием.

Татьяна Власова,
г. Шатура, Московская область

В июльском номере «Литературного меридиана» очень понравился литературный путеводитель **Геннадия Богданова** «Фиалки» о поэте **А. Вознесенском**, творчество которого мне знакомо и дорого.

И стихи прекрасные пишет Богданов. Особенно сильно написано стихотворение «Пришелец», в котором автором прочувствована каждая строка. Я два раза медленно перечитала «Пришельца», и передо мной всплыла картина любимого мной художника **И.Н. Крамского** «Христос в пустыне». Вот и рассудите – есть ли связь между поэзией и живописью?

Нина Гудкова,
г. Саратов

Дала материал о конкурсе «Учитель – главный человек» в детскую библиотеку.

Обратила внимание на статью **Аллы Мачтаковой** «О проблемах образования». Со школьным образованием сталкивается каждый: сам учился или учится, дети, внуки учатся. Скажу главное. Во-первых, надо поднять зарплату учителя. Во-вторых, – авторитет. Два года проработала я в школе Тернейского района. К сожалению, нигде больше не встречала я такого уважения к учителям, как в этом удэгейском селе Агзу. Сейчас живу рядом со школой, мимо которой и проходить не хочется: территория вокруг школы в окурках, ученики, даже младших классов, матерятся. Я согласна с предложениями, высказанными в материале **А.Мачтаковой**, но будут ли согласны родители?

Лариса Белякова,
п. Лучегорск, Приморский край

26 мая поэты, писатели, художники г. Артёма побывали на интересной встрече с участниками автопробега в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Нам с Аллой Мачтаковой встреча очень понравилась. Купили книги и подарили сборники песен композитора, заслуженного работника культуры России А.Д. Сороки. Хотелось бы, чтобы чаще звучали и на радио, и на концертах в клубах песни приморских авторов.

**Любовь Кузьмина,
г. Артём, Приморский край**

Хочу сказать, что мне понравилось, как пишет поэт Дмитрий Мизгулин из Ханты-Мансийска. Слов нет, замечательно. Читала я с удовольствием. Почаще бы он писал в вашу газету.

**Лидия Малышева,
г. Пучеж**

Неплохой материал написал **В. Гусаров**. В современном мире и в самом деле нелегко найти истину, а справедливость – тем более.

**Иван Терехов,
г. Владивосток**

Хочется выразить благодарность коллективу редколлегии «ЛитМ» за публикации о проблемах отечественного образования, особенно – за статьи Аллы Мачтаковой и Ирины Банкрашковой. Чувствуется, что авторы указанных материалов – люди неравнодушные, сердечные, понимающие важность не только обучения и воспитания подрастающего поколения, но и душевного и духовного развития наших детей.

Спасибо!

**Любовь Стрельникова,
г. Екатеринбург**

От редакции. В сегодняшний обзор пришедшей корреспонденции мы впервые включаем отзывы, оставленные читателями под интернет-публикациями авторов «Литературного меридиана».

Ищите нас по адресу: www.Litmeridian.ru

Рецензия на «**Валентин Курбатов. И острее печаль...**».

Пейзажная лирика понравилась. О бессоннице – очень точно. Читайте, как про свою. Где-то промелькнуло есенинское; нет-нет, не плагиат, естественно. Ритм, настрой и... настроение.

Автору: здоровья и больше оптимизма.

Светлана Бочарова

Рецензия на «**В. Кравцун. Литобзор "Человеческие реки"**».

...Хорошая статья, нужная. Иногда в погоне за минутной славой, сиюминутной публичностью. Автор забывает работу над словом, речью, мыслями и образами. И читаем, читаем мы всю эту чепуху печатную, в душе поражаясь – откуда у людей столько сил писать всё это.

Нетерпячка, суетливость приводят к вырождению понятия высокого стиля поэтического стиха. Ах! Меня напечатали. Ах! я поэт, и этим всё сказано. И не волнует автора больше ничего, кроме довольствующейся самоудовлетворяющейся самости. Велика сила слова, но СЛОВА же, а не вульгарных слов, выдаваемых за непреложную истину. Благодарю вас.

Петр Небылицин

Рецензия на «**Евгений Весник. Сто метров войны**».

Воспоминания интересны и даже поучительны. Спасибо. С уважением.

Борис Кочетков

Рецензия на «**Верлибры. Вячеслав Протасов**»

В строках поток сознания – непоследовательный, но глубина мысли – зрима и невероятно объёмна. «...Оглушительные толчки моего сердца» – сотрясают все стихотворение.

Трогательно.

Спасибо.

Наталья Бедная

Рецензия на «**Н. Чайка. Россия, которую у меня украли**».

Уважаемый Николай! Прочитал на одном дыхании, глаза увлажнились...

Полностью с Вами солидарен, только стихослужением России возможно что-то совершить, со-творить, у-со-ВЕСТить...

Так точно, все совершенно так и есть, как Вы с болью и надеждой выплеснули на всех на нас...

Игорь Дадашев

ВНИМАНИЕ!

Только в августе и сентябре 2010 г. можно оформить подписку на 2011 год по **Льготным** ценам!

Подписка на ежемесячник «Литературный меридиан» осуществляется путём отправки соответствующей суммы почтовым переводом по адресу:

692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16.

Костылеву

Владимиру Александровичу.

6 месяцев — 260 рублей,

1 год — 460 рублей

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

По просьбам наших авторов публикуем номер банковского счета, на который можно перечислить средства на **СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ «Литературного меридиана»**

ПЛАСТИКОВАЯ КАРТА

№ 4276 8500 9681 2919

в Арсеньевском отделении
СБЕРБАНКА России № 7718/7718

Получатель —

Владимир Александрович
КОСТЫЛЕВ.

Поздравляем!

Минувшим летом свой юбилейный день рождения отметила **ВЕРА САЧЕНКО.**

Поздравляем Веру Николаевну и желаем здоровья, творческих находок, тепла близких и всего самого наилучшего.

Редколлегия.

ПАМЯТИ

Е. Я. ВЕСНИКА

1

Каков был городничий! Крут
И нравом и в речах! Как органичен!
Артист ушёл,
 познав дегтярный труд,
И колокол успеха — зычен.
Ушёл артист, изведав нашу жизнь
В объёме полном —

от войны до славы.

И формулу любви, и ноты лжи,
И то, что небо величаво.
Артист ушёл. Путь новый впереди.
Артиста смерть
 пространство пробивает.
Тому, кто многие прошёл пути,
Посмертье тайны жизни
 открывает.

2

Детдомовец, солдат, актёр,
Судьба щедра — как ночь на звёзды,
А золотистый их колор —
То, что дано весьма серьёзно.

Обворожительный шутник,
И анекдоты — фейерверком,
Весёлых и ажурных книг
Печальный автор — лечит смехом.

То остаётся, что даёт
Надежду, пусть не объясняя
Жизнь — ту, которая уйдёт,
Пускай сверкала, золотая.

3

Спасибо вам, Артист, за смех —
Вы им питали будто мёдом
И млеком нас, глядевших, — всех,
Давила нас реальность сводом,
Давила прессом неудач.
Спасибо вам за ваши роли.

Пусть слёзы из-под смеха, плач,
Но с ним поменьше всё же боли.

4

Доктор из «Мастера и Маргариты»
Или похожий забавный доктор
 из «Ширли-Мырли» —
Глядишь и забываешь
 о наволоке быта.
Мягкий юмор и мастерство
 все огорчения смыли.
Очаровательные его чудаки —
Учитель математики

из «Электроника»,

Начальник из «Чародеев» —

они легки,

Беззлобны...

Нам всё — экономика,
Деньги, суета...

Порой не замечаем утрат
Или вообще забываем, что смертны.
И артист-виртуоз нас к нам же
 самим возвращает назад,
Душе добавляя детскости,
если забыть об одной посмел ты.

Александр БАЛТИН,
г. Москва

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 914-666-1-999

Тел. (+7) 924-263-29-79

(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Георгий НАЗИМОВ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции — 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объём издания — 4,5 печатных листа.
Тираж 600 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 21 августа в 8-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.